Цена свободная

Индекс 70250

«ДН» — 2015-2016

Романы, повести:

Мария АНУФРИЕВА. Существо. *Роман*
Заир АСИМ. Книга дней. *Повесть*
Наталья БИРЧАКОВА. Мысль изреченная. *Фантасмагорические заметки о Гоголе, или Всеобщая теория всего*
Валерий БОЧКОВ. Время воды. *Роман*
Резо ГАБРИАДЗЕ. Доктор и больной. *Повесть*
Хамид ИСМАЙЛОВ. Пляска бесов, или Большая игра. *Роман*
Елена КЛЕПИКОВА. Из жизни Марты. *Повесть в рассказах*
Виктория ЛЕБЕДЕВА. Без труб и барабанов. *Роман*
Афанасий МАМЕДОВ. Перезагрузка в Тунисе. *Короткий роман*
Марина МОСКВИНА. КРИО. *Роман. Книга вторая*
Гурам ОДИШАРИЯ. Очкастая бомба. *Повесть. С грузинского*
Юрий ОСИПОВ. Краткий курс мальтийской жизни с красивой женщиной
Юрий ПЕТКЕВИЧ. Голубь в Кезейках. *Повесть*
Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ. Новая повесть
Дмитрий СТАХОВ. Свет ночи. *Роман*
Алексей УСТИМЕНКО. Хмарь стеклянной Бухары. *Повесть*
Сергей УТКИН. История болезни. *Повесть в рассказах*
Левон ХЕЧОЯН. Чёрная книга, тяжёлый жук. *Роман. С армянского*

Рассказы: Евгения АЛЁХИНА, Олега БОНДАРЕНКО, Андрея ВОЛОСА, Елены ДОЛГОПЯТ, Натальи КЛЮЧАРЁВОЙ, Алексея КОЛОБРОДОВА, Ильи КОЧЕРГИНА, Мариам ПЕТРОСЯН, Сергея РЯЗАНЦЕВА, Владимира ТОРЧИЛИНА, Арслана ХАСАВОВА, Евгения ШКЛОВСКОГО и других авторов

Новые имена: участники Форума в Липках, Волошинского фестиваля, фестиваля «Литературный ковчег» и наши собственные открытия

Новые сочинения: Дмитрия ВЕРЕЩАГИНА, Эльчина ГУСЕЙНБЕЙЛИ (с азербайджанского), Ицхокаса МЕРАСА (с литовского), Дмитрия НОВИКОВА, Светланы ПЕТРОВОЙ, Владимира ХОЛОДОВА, Александра ХУРГИНА, Дмитрия ШЕВАРОВА

Новые стихи и переводы: Шамшада АБДУЛЛАЕВА, Сухбата АФЛАТУНИ, Ефима БЕРШИНА, Сергея ВАСИЛЬЕВА, Германа ВЛАСОВА, Андрея ГРИЦМАНА, Ольги ИВАНОВОЙ, Алексея ИВАНТЕРА, Игоря ИРТЕНЬЕВА, Александра КАБАНОВА, Инны КАБЫШ, Светланы КЕКОВОЙ, Бахыта КЕНЖЕЕВА, Григория КРУЖКОВА, Марины КУДИМОВОЙ, Инги КУЗНЕЦОВОЙ, Виктора КУЛЛЭ, Станислава ЛИВИНСКОГО, Ларисы МИЛЛЕР, Олеси НИКОЛАЕВОЙ, Натальи ПОЛЯКОВОЙ, Геннадия РУСАКОВА, Юрия РЯШЕНЦЕВА, Анны САЕД-ШАХ, Владимира САЛИМОНА, Олега ХЛЕБНИКОВА, Вячеслава ШАПОВАЛОВА и других авторов

ISSN 0012-6756. Дружба народов, 2015, № 7 , 1—256

ISSN 0012-6756

ДРУЖБА НАРОДОВ

- *Глеб Шульпяков*
  Красная планета
  Новеллы из романа
- *Илья Фаликов*
  Потерянное дитя
  Стихи
- *Анатолий Ким*
  Гений
  Повесть о Смоктуновском
- *Василий Голованов*
  Дочки-матери
- *Марк Амусин*
  Под знаком памяти
  К 90-летию Юрия Трифонова

ДРУЖБА НАРОДОВ 7/2015

7'2015

Андрей Столяров

Ярче тысячи солнц

Россия, Россия, Россия, —
Мессия грядущего дня!

Андрей Белый «Родине»

К последнему морю

Рассмотрим три исторических эпизода.

В XIII веке Европа содрогнулась от нашествия неисчислимых монгольских полчищ. Монголы разгромили государство волжских болгар, княжества Древней Руси, нанесли сокрушительное поражение польско-немецкому войску в битве при Легнице, разгромили венгерское войско и заняли столицу Венгрии — Пешт, вторглись в Болгарию, Хорватию, Сербию и уже переносили военные действия за Дунай — на территорию Священной Римской империи. Казалось, их ничто не может остановить. Содрогнулась, впрочем, не только Европа. В Средней Азии монголы разгромили громадную империю Хорезмшахов, захватили Хорезм, Багдад, вторглись в Сирию и Палестину. На востоке ими был повержен громадный Китай, покорены Корея, Бирма, значительная часть Индии. Лишь сильнейший тайфун «Камикадзе» («божественный ветер»), разметавший огромный монголо-китайский флот, не позволил им высадиться в Японии. Тем не менее всего за несколько десятилетий монголы создали самую большую в истории континентальную империю, простиравшуюся от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии.

Теперь — второй эпизод. В конце осени 1941 года большинство западных политиков и военных считало, что дни Советского Союза сочтены. К этому времени немецкие войска оккупировали Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Белоруссию, значительную часть РСФСР, Украины, продвинулись в глубь страны более чем на тысячу километров. Были убиты, ранены или попали в плен около двух миллионов советских солдат. Оставлены были Минск, Киев, Харьков, Смоленск, Одесса, Днепропетровск, кольцом блокады был окружен

Столяров Андрей Михайлович — прозаик, автор не только художественных произведений, но и многочисленных статей по аналитике современности, а также книги по философской аналитике «Освобожденный Эдем» (2008). Публикации в «Дружбе народов»: «Новая земля и новое небо» (№ 4, 2014); «Герой нашего времени» (№ 11, 2014); «Дайте миру шанс». Повесть по мотивам реальности (№ 11, 2014).

Ленинград. СССР потерял важнейшие сырьевые и промышленные центры, оказались отрезанными от основной части страны важнейшие источники продовольствия на Украине и юге России. Казалось, что Советский Союз уже ничто не спасет. И вдруг Красная армия наносит немцам сокрушительное поражение под Москвой, затем, через год — грандиозное поражение в Сталинградской битве и далее — окончательное поражение на Курской дуге. Трагический сюжет переломлен. 1 мая 1945 года на куполе рейхстага в Берлине водружен красный флаг.

И наконец эпизод третий. На исходе XVIII столетия Франция пребывает в катастрофическом состоянии. В результате революционного катаклизма, приведшего к свержению короля, экономика ее совершенно разрушена, в стране — нищета, террор, социальный хаос, то и дело вспыхивают монархические или социал-радикальные мятежи. Более того, ряд европейских держав, напуганных революционными потрясениями, создает военный союз, призванный вернуть Францию в русло «цивилизованного существования». Силы сторон заведомо неравны. Против Франции выступают Австрия, Пруссия и Испания, почти все германские государства, Неаполитанское королевство, королевство Сардинии. Позже к ним присоединяются Англия и Голландия. Поражение Франции кажется неизбежным. Тем не менее войска республики смело идут вперед, вопреки всему одерживают победы при Вальми и при Жемаппе, оккупируют Бельгию, наносят поражение Голландии, Австрии, Пруссии, занимают значительную часть Италии и Рейнские области. А когда во главе войск становится молодой генерал Наполеон Бонапарт, победы приобретают всеобщий характер. Буквально за десять лет возникает империя, охватывающая собой почти всю Европу, простирающаяся от российских границ до «последнего моря» монголов — Атлантического океана.

Что общего между этими тремя эпизодами, развернувшимися в разные исторические эпохи, у разных народов и в географически разных местах?

Чем их можно объединить?

Какая сила подвигла монголов, русских, французов бросить героический вызов судьбе?

Общим, на наш взгляд, является то, что во всех трех случаях работал фактор национальной идеи.

Создание, спасение, преобразование

Концепт национальной идеи — одна из сложнейших проблем современной культурологии. Дело тут вовсе не в том, какой может быть национальная идея России — хотя именно так обычно ставят этот вопрос. Дело в том, что представляет собой национальная идея вообще? Существует ли в онтологии нации такой мировоззренческий механизм? Если он существует, то каковы его базисные черты? При каких условиях он включается и начинает работать? И наконец — можно ли этим механизмом сознательно управлять?

К сожалению, данная тема сильно дискредитирована. Стоит вспомнить, какой шквал иронических замечаний взметнулся в 1996 году, когда президент Ельцин публично провозгласил, что Россия нуждается в собственной нацио-

нальной идее и поручил группе политических аналитиков такую идею создать. Тем более, что тогда же, следуя велению Президента, эту тему в срочном порядке обсудили и Совет Федерации, и Государственная Дума РФ, «Российская газета» объявила соответствующий конкурс среди читателей, широкие дискуссии провели «Независимая газета» и «Московские новости», а семинары и конференции, посвященные данной проблеме, состоялись в Администрации Президента РФ, Фонде Карнеги, Институте философии РАН и в ряде других научных учреждений и вузов страны. Кульминацией всех этих усилий стал шеститомный труд группы авторов, который так и назывался «Национальная идея России», где были представлены аж двадцать высших ценностей, которыми должны руководствоваться россияне, а сама национальная идея была сформулирована так: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!» Причем авторы, среди которых присутствовал и В. И. Якунин, президент ОАО «Российские железные дороги», предложили закрепить данную идею в Конституции РФ, видимо, для того чтобы она стала непреложным законом для всех граждан нашей страны.

С тех пор в данной области возникло колоссальное количество самых разных «идей» — даже формальное перечисление их может занять не один десяток страниц. Это и «жить по совести», и «жить во благо Отечества», и «любить Родину», и «жить по вере отцов», и «Россия для русских», и «свобода дороже богатства», и «спастись можно только вместе», и т.д. и т.п. Было даже высказано предложение — сделать национальной российской эмблемой «ваньку-встаньку» (игрушку) как символ того, что повергнуть Россию нельзя — она выживет и поднимется в самой трудной исторической ситуации.

Нет смысла анализировать эту ментальную пену. Ясно, что ни к механике национальной идеи, ни к ее хотя бы примерным параметрам она отношения не имеет. Это все — из области благих пожеланий. В данном случае просто укажем ту основную черту, которая, на наш взгляд, выделяет концепт национальной идеи из великого множества сходных концепций, доктрин и идеологем.

Главная характеристика национальной идеи — это *пассионарность*.

Нация, охваченная национальной идеей, пребывает в состоянии исключительного эмоционального напряжения. Осуществляется героическое усилие, поднимающее массы людей от статуса спокойного быта к статусу революционного бытия. У нации появляется некая высокая цель, сияющая на горизонте истории, — нация готова на ощутимые жертвы, чтобы этой цели достичь. Все внутренние разногласия вытесняются в подсознание. Все силы, вся энергия нации сплавляются в единый экзистенциальный порыв. Возникает абсолютная идентичность: нация чувствует, думает, действует как один человек.

Именно пассионарная энергетика, подобная вспышкам сверхновых, освобождающим энергию звезд, отличает национальную идею от разного рода *национальных доктрин*, возникающих в те или иные исторические периоды. Например, от знаменитой доктрины графа Уварова «православие, самодержавие, народность», сформулированной во времена императора Николая I. Никакой пассионарностью уваровская доктрина не обладала, никакого экзистенциального горизонта озарить не могла, она представляла собой лишь официальное мировоззрение, поддерживавшее в рабочем режиме тогдашний государственно-национальный формат.

Точно так же нельзя отнести к национальной идее и пакет приоритетных

национальных проектов, выдвинутых в 2005 году Президентом России. Имеются в виду проекты «Здоровье», «Образование», «Жилье», «Развитие АПК». Представляется, что даже приснопамятная «Продовольственная программа СССР», провозглашенная еще в эпоху Л.И.Брежнева, вызвала в стране больший энтузиазм, чем эти проекты, для реализации которых был создан специальный Президентский Совет. Впрочем, сейчас об этих проектах стараются не вспоминать. Их вполне квалифицированно удалось списать на мировой финансовый кризис 2008 — 2010 годов.

В общем, если принять пассионарность за эксклюзивную, отличительную черту, то сразу же становится очевидным, что национальная идея работает лишь в трех случаях.

Во-первых, это *создание нации* — консолидация этнических сил, завоевание независимости, образование нацией собственного государства.

Во-вторых, это *спасение нации* — преодоление масштабной угрозы в виде войны, социально-экономической или экологической катастрофы.

И в-третьих, это *преобразование нации* — модернизация ее этнического ядра, приведение ее этносоциальной культуры в соответствие с конфигурацией нового времени.

Заметим, что во всех трех случаях наличествует *онтологический вызов*, то есть вызов, связанный с существованием/несуществованием нации. А в ответ на такой вызов осуществляется громадный общенациональный проект, требующий от нации предельного бытийного напряжения.

Исходя из этого, национальную идею можно определить как пассионарный проект по формированию нацией собственного будущего.

Энергия звезд

Термин «пассионарность» ввел в научный обиход историк Лев Гумилёв, который под пассионарностью понимал способность индивида к длительному сверхусилию для достижения поставленной цели. По мнению Л. Н. Гумилёва, «пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию»[1]. Вслед за Гегелем он считал, что «ничто великое в мире не совершается без страсти». При этом пассионарность может проявлять не только отдельный человек (по терминологии Гумилёва — пассионарий), но и в целом этническое сообщество, если количество пассионариев в нем достигает критической величины. Тогда этнос начинает пассионарное восхождение.

Правда, с научной точки зрения, не выдерживают критики представления Л.Н.Гумилёва о том, что порождается пассионарность вариациями космического излучения: вспышками на Солнце или вспышками в глубинах Вселенной сверхновых звезд, которые, в свою очередь, приводят к вспышкам этнического мутагенеза у народов Земли, к «пассионарным толчкам», к повышению таинственной «геобиохимической энергии живого вещества», каковую, заметим, невозможно соотнести ни с одним из видов энергий, известных науке. Однако сам феномен пассионарности выделен историком очень удачно.

Что же касается реального источника пассионарной энергии, то тут, как нам кажется, можно в качестве аналога привести известный «эффект провинциала». Человек, переехавший в крупный город из отдаленной провинции, довольно часто (однако, разумеется, не всегда) обладает повышенной деятельностной энергетикой по сравнению с коренным горожанином. Это, впрочем, понятно. Такой человек попадает в совершенно новую для себя среду и первоначально, на подсознательном уровне, воспринимает ее как отчетливую угрозу: ему неизвестны правила жизни в этой среде, для него загадкой является ее реальная картография, он, в отличие от горожанина, не может автоматически считывать ее причинно-следственные отношения. Включается стрессовый механизм, чисто биологическая, инстинктивная реакция на опасность. Стресс, в свою очередь, порождает повышенную энергетику, мобилизацию всех имеющихся у особи сил, а внешние, деятельностные ее проявления воспринимаются как пассионарность.

Фактически у провинциала происходит трансформация личности, хотя сам человек, не будучи рефлективным, может об этом не подозревать. Происходит плавление идентичности провинциальной, и высвобождающаяся энергия идет на построение идентичности городской.

Та же самая закономерность работает и в случае громадных человеческих масс. В период европейской модернизации XVII — XX веков, когда крестьянство в массе своей разорялось и мигрировало в города, что, естественно, сопровождалось плавлением идентичности, в сельской местности вспыхивали крестьянские бунты и войны, а в городах — мятежи, нередко перераставшие в революции.

Аналогичные процессы идут и на уровне национальных сообществ. Монголы не просто так начали свои завоевательные походы. В XIII веке разрозненные монгольские племена, до этого враждовавшие между собой, волей удачливого полководца были объединены в единый народ. Внезапно на авансцене истории возникла монгольская нация. Чингисхан, сознательно или интуитивно, сделал поразительный для того времени шаг: вместо традиционного племенного деления ввел деление по туменам (десятитысячным военным отрядам) и специализированным родам войск, где были теперь перемешаны представители различных племен. А чтобы закрепить это единство в механике обыденной жизни, он создал Ясу — универсальный для всех монголов закон, вытеснивший все прежние племенные законы. То есть опять-таки произошло тотальное плавление идентичности, а освободившаяся энергия была структурирована вождем в виде единственной цели, доступной сознанию средневековой эпохи: создание великой империи. Монголы двинулись к «последнему морю».

Вот примеры того, как национальная идея, связанная с образованием этносом собственного государства, может творить настоящие чудеса. В 1581 году крохотная Голландия (точней — Нидерланды) побеждает Испанию, находящуюся в зените могущества, и обретает государственный суверенитет. Всего через пятьдесят лет она сама превращается в могущественную империю, которой принадлежат обширные колониальные владения. В 1783 году слабые и разрозненные штаты Североамериканского континента добиваются независимости от громадной Британской империи и точно так же становятся самостоятельным государством. Пассионарность незамедлительно порождает экспансию: американцы отвоевывают у Мексики громадные территории, которые образуют юго-

западные штаты США. Начиная с 1948 года, крохотный, только что возникший Израиль убедительно доказывает свое право на существование среди необозримого моря враждебных ему арабских стран. Силы сторон абсолютно неравнозначны. Кажется, что никаких шансов у Израиля нет. Тем не менее одна за другой следуют победоносные войны, в результате которых Израиль более чем в три раза расширяет свою территорию.

Правда, стоит отметить, что во всех этих случаях поразительному успеху национальной идеи способствовали дополнительные обстоятельства. Экспансии монголов способствовал благоприятный климат, установившийся в 1210 — 1230 годы в монгольских степях: теплая погода, обильные дожди, расширение зоны пастбищ и, соответственно, резкое увеличение конского поголовья — каждый монгольский воин мог теперь содержать до пяти лошадей. Сыграл свою роль, вероятно, и демографический фактор — возрастание численности монгольских племен, начавшееся в те годы. В свою очередь, успеху национальной борьбы Голландии и американских колоний способствовало во многом то, что как Испания, так и Великобритания, противостоящие им, были в соответствующие периоды поглощены тяжелыми войнами против других великих держав. Сил, чтобы удержать колонии, не хватало. А выживанию и фантастическим победам Израиля в значительной мере способствовала поддержка со стороны Соединенных Штатов Америки.

Однако благоприятные обстоятельства наличествуют далеко не всегда. И потому не всегда национальную идею, связанную с созданием собственного государства, нации удается реализовать. Сколько раз народы Балкан, в частности Болгария, Румыния, Сербия и Черногория, восставали против османского ига, но признания своей независимости им удалось добиться лишь после русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов. Сколько раз вспыхивали восстания колониальных народов против господства британцев, голландцев, французов, но реальную независимость колонии начали обретать лишь после Второй мировой войны, когда принципиальным образом изменилась ситуация в мире.

Сам процесс этнического формирования может остаться незавершенным. В конце XI столетия в Европе явно проступили черты, свидетельствующие о возникновении единой нации — европейцев. Этому способствовал, вероятно, климатический оптимум X — XIII веков, который привел и к подъему европейской сельскохозяйственной экономики, и к очевидному демографическому подъему. Начал, по крайней мере в страте элит, формироваться единый «европейский народ», у которого были единая христианская вера (в то время — католицизм), единый язык — лингва франка (и дополнительный универсальный язык — латынь), единая трансэтническая культура — рыцарство, с единым образом жизни, скрепляемая к тому же многочисленными внутрисословными браками. Сословно-этническое единство, несомненно, усиливалось и единством тогдашней европейской национальной идеи — стремлением освободить Гроб Господень от сарацин. Пассионарность средневековой Европы была очень высокой и выплеснулась в яростных крестовых походах. Европейские рыцари вторглись в Левант, разгромили войска сельджуков и образовали Иерусалимское королевство. Вместе с тем итоговой национальной целостности не возникло — Европа начала распадаться на множество противоборствующих государств.

Почему европейский сюжет сложился именно так, это отдельный вопрос.

Здесь же необходимо заметить, что процесс создания нации, сопровождающийся повышением этнической температуры, обычно приводит к формированию комплекса национального превосходства, который выражается мировоззренческой идеологемой «державности». Возникает представление о «Великой Германии», «Великой Франции», «Великой России» и т.д. и т.п. Причем родовой горячкой «державности» страдают не только большие народы, как бы исторически склонные к формам имперского государственного бытия, но также — народы средней и малой величины. «Этнический нарциссизм» — болезнь, которую чрезвычайно трудно лечить. В начале XX века возникла идея «Великой Сербии», которая объединит под своей эгидой всех южных славян (что и было чуть позже реализовано в виде Югославского государства), в разное время, однако при сходных исторических обстоятельствах, возникали идеи «Великой Болгарии», «Великой Венгрии», «Великой Румынии», «Великой Польши», простирающейся от Балтики до Черного моря.

Более того, в рамках традиционного этнического сознания, которое господствовало тогда, а во многом господствует и сейчас, державность понимается исключительно как территориальное расширение, которое можно осуществить только военным путем. «Энергия звезд» превращается в «энергию уничтожения». Подростковая инфантильность нации в сочетании с подростковой энергией (пассионарностью) — очень опасный национальный синдром.

Франция — это я!

Примерно так же обстоит дело и в случае, когда включение национальной идеи связано со спасением нации. Правда, энергию пассионарности тут в основном порождает инстинкт самосохранения, который у нации как у носителя коллективных инстинктов развит не меньше, чем у отдельного человека. Однако и тотальное плавление идентичности здесь тоже имеет место. Военная ситуация принципиальным образом отличается от ситуации обыденной жизни, и «человек воюющий», соответственно, обладает иным набором характеристик, нежели человек мирного времени. Пребывание на грани жизни и смерти, требующее от каждого необычайного напряжения сил, точно так же как и в случае создания нации, формирует устойчивый национальный идентификат, становящийся позже одним из базисных реперов национальной истории.

Американский исследователь Хедрик Смит, например, писал, что русские «рассуждают о войне не только как о времени жертв и страданий, но и как о времени солидарности и сопричастности. Война несет смерть и разрушение, но она одновременно демонстрирует несокрушимое единство народа и его несгибаемую силу. Воспоминания о совместно перенесенных лишениях и совместно добытых победах в войне, которую в СССР называют Великой Отечественной, служат главным источником современного советского патриотизма»[2]. Сходным образом говорят исследователи и об американцах. Вторая мировая война «укрепила национальное единство и ощущение принадлежности к одной и той же нации». Она «стала величайшим совместным опытом, который сформировал представление американцев о национальной идентичности на поколения впе-

ред». «Самоидентификация американцев со страной достигла в ходе этой войны исторического максимума»[3].

Для россиян подобными реперами идентификации, историческими примерами включения национальных идей, служат, помимо Великой Отечественной войны, Куликовская битва и победа над Наполеоном, для французов — победа на Марне (август 1914 года, когда удалось отстоять Париж) и подвиги Жанны д'Арк, для англичан — победа над «Непобедимой армадой», Трафальгарская битва, утвердившая превосходство Англии на морях, и «Битва за Британию» (сражение с немецким люфтваффе летом — осенью 1940 года).

Ничто так не объединяет нацию, как общая борьба, имеющая ясную цель, общая трагедия и общая победа, достигнутая ценой колоссальных жертв.

Однако угроза, о которой мы говорили, должна быть именно онтологической. Войны на границах империи обычно никакого пассионарного подъема не вызывают. Национальная идея не вспыхнула в Англии после поражения британского корпуса в Афганистане в 1842 году, не загорелась в России после поражения в русско-японской войне, не всколыхнула империю Габсбургов после потери Италии, не зажгла сердца советских людей во время мучительной афганской войны. Все эти трагические коллизии могли быть для сознания каждого из народов достаточно тяжелы, они могли порождать и действительно порождали всплески сильных эмоций, но они не воспринимались национальным сознанием как опасность государственного небытия. Нации, пусть в чуть худшем формате, но продолжали существовать.

Также необходимо сказать, что даже в случае прямой и явной угрозы национальная идея появляется далеко не всегда. В 1938—1939 годах фашистские войска оккупировали Чехословакию, заняв сначала Судетскую область, а затем — территорию всей страны. Между тем Чехословакия в эти годы была одной из самых развитых европейских стран. Несмотря на небольшие размеры, она имела мощную индустрию, мощную военную промышленность и вполне боеспособную армию. Конечно, победить в тех условиях Чехословакия все равно не могла, но она, несомненно, была способна сражаться, нанеся Третьему рейху вполне ощутимые материальные и людские потери. Весь последующий международный сюжет мог бы тогда стать иным. Однако Чехословакия, деморализованная Мюнхенским договором, когда Европа ее просто сдала, никакого сопротивления агрессору не оказала. Гитлеровские войска без особых усилий превратили ее в протекторат. Между тем Польша, попавшая через год в аналогичную ситуацию, сражалась отчаянно, хотя победить тоже заведомо не могла.

Вероятно, включение национальной идеи зависит еще и от исторических архетипов. Польское государство рождалось в непрерывной и ожесточенной борьбе, отражая бесчисленные угрозы то с запада, то с востока. Ради него поляки принесли множество жертв, и это стало одной из констант национального подсознания. Чехия, в свою очередь, очень долго пребывала сначала в составе Священной Римской империи, а затем — в составе Австрийской (Австро-Венгерской) империи как ее вполне благополучная часть. Государственность она обрела практически без борьбы, когда Австро-Венгрия развалилась, потерпев поражение в Первой мировой войне. Вероятно, для чехов собственная государ-

ственность не стала подлинной ценностью — во всяком случае не такой, ради которой следовало сражаться не на жизнь, а на смерть.

Теперь о национальной идее, связанной с преобразованием нации. Данная ситуация имеет один чрезвычайно важный аспект. В первых двух случаях (создания и спасения) перед нацией стоит *физический вызов* — конкретная, ясно видимая угроза, которую легко осознать. В третьем случае перед нацией встает *вызов метафизический* — вызов грядущей неопределенности, параметры которого, как правило, неясны.

В действительности метафизический вызов представляет собой вызов будущего: нарастающее несоответствие форматов текущего этногосударственного бытия параметрам нового мира, которые еще точно не определены, и потому этот вызов в отличие от конкретной угрозы долгое время может существовать в неявном, неотрефлектированном состоянии. Для его осознания необходимо интеллектуальное усилие национальных элит. А это, заметим, происходит далеко не всегда. Вызов будущего не осознали в надлежащее время ни империя Габсбургов, потерпевшая от бисмарковской Германии сокрушительное поражение при Садове, ни империя Наполеона III, также получившая от Германии — уже под Седаном — смертельный удар, ни императорская Россия, ввергнувшаяся в катаклизм революции и гражданской войны, ни многие другие страны, испытавшие в течение своей истории аналогичные катастрофы. Рефлективный ступор, незамечание очевидного, как показывает история, связаны, вероятно, с тем, что никакая власть, ни авторитарная, ни демократическая, никогда не работает на опережение. Любая власть работает в режиме «вызов — ответ». Политики начинают осознавать необходимость реформ лишь тогда, когда стратегический кризис обретает острую форму.

А под преобразованием нации мы понимаем процесс, при котором нация сохраняет свое этнокультурное, системообразующее ядро, но его архетипические характеристики получают новую аранжировку.

Классическим примером такого процесса, на наш взгляд, является преобразование «русской нации» (периода царской России) в «советский народ» (периода СССР). Все основные этнокультурные характеристики нации были при этом действительно сохранены, но получили принципиально иное идеологическое выражение. Православие трансформировалось в коммунизм (светский адекват Царства божьего за земле), самодержавие — в партийный авторитаризм (власть партии, обладающей абсолютной «исторической истиной»), общинность— в советский коллективизм, имперскость — в мировую систему социализма. Примерно такая же этнокультурная трансформация произошла в то же время в Германии: «бисмарковский немец» (периода образования национального государства и Первой мировой войны) превратился в «арийского немца» (национальный эталон Третьего рейха). При этом базовые этнические характеристики немцев остались опять-таки прежними, однако были переакцентированы в систему «арийских идеологем».

У преобразования нации много общего с созданием нации. В обоих случаях возникает как бы «новый народ», который и осознает себя таковым, а потому закономерности обоих этих процессов гомологичны. Разным здесь является «спусковой механизм». В случае создания нации наличествует ясная и понятная цель — обретение независимости, формирование собственного государства. В

случае преобразования нации такой ясно видимой цели нет. Нации (как, впрочем, и отдельному человеку) обычно с чрезвычайным трудом дается простая в общем-то мысль, что ей следует стать другой — вырасти над собой, перейти в более зрелый социальный возраст. Данная рефлексия обычно опаздывает. И потому «спусковым механизмом» преобразования нации, как правило, является масштабная катастрофа. В обоих приведенных примерах, русских и немцев, такой катастрофой стала Первая мировая война.

И есть еще один важный момент, необходимый для реализации национальной идеи. У нации должен возникнуть лидер, способный данную идею не только провозгласить, но и — хотя бы частично — ее воплотить, собрав в фокус всепрожигающего огня. Он должен, как Людовик XIV, иметь право сказать: «Франция — это я!» Иначе энергия пассионарности, распределенная по нескольким центрам силы, прогорит внутри нации в бессмысленных и жестоких конфликтах.

Конечно, история не знает сослагательного наклонения, однако можно с достаточно большой вероятностью предположить, что если бы, например, не возник Чингисхан, то вся пассионарность монголов дотла сгорела бы в межплеменных стычках и войнах. Поход к «последнему морю» не состоялся бы. Нечто подобное, как нам кажется, произошло с Украиной, когда в XVII веке на землях Гетманщины, на фундаменте православия и западно-русского (украинского) языка начала образовываться украинская нация. Богдан Хмельницкий, несомненно, был талантливым военачальником, но насколько можно судить, ни политическими, ни собственно государственническими способностями не обладал. Тем более этих способностей не было у его преемников. Вспыхнули долгие войны противоборствующих сторон, зарождающаяся украинская государственность была уничтожена; снова она возникла — достаточно искусственным образом — только во времена СССР.

Еще один яркий пример — Бельгия. В Первую мировую войну, когда германские войска вторглись на ее территорию, король Альберт I (король-интеллектуал, король-спортсмен) призвал бельгийцев к сопротивлению и сам стал во главе армии. Бельгийцы сражались мужественно — немцам пришлось выделить против них дополнительные войска в составе двух корпусов. Этих войск (как, впрочем, и войск, связанных боями с Россией в Восточной Пруссии) немцам и не хватило, чтобы в августе 1914 года взять Париж. Зато во Вторую мировую войну король Леопольд III (сын Альберта I) проявил, скажем так, меньше мужества и энергии. Бельгийская армия довольно быстро капитулировала. Король остался в оккупированной стране и позже был даже обвинен в коллаборационизме. Освободившиеся войска немецкий генштаб смог бросить против Франции.

Проблема национального лидера — ключевая в процессе реализации национальной идеи.

Настроение бодрое, идем ко дну...

Все сказанное имеет непосредственное отношение к современной России. Несмотря на относительное внутреннее благополучие, и ближайшие, и отдаленные перспективы нашей страны весьма и весьма туманны. Шансов на цивили-

зационное выживание у нее очень немного, и никакой звон официозных фанфар, вещающих о державности, не может заслонить данный факт.

Причины такого положения очевидны.

Во-первых, это экономическая слабость России. Несмотря на «золотое десятилетие», когда в страну шли колоссальные средства, вырученные от продажи энергетического сырья, технологическая база развития в России заложена не была. Удельный вес нашей страны в мировой экономике составляет сейчас чуть менее 3 процентов, и по этому показателю она существенно отстает от лидеров технологического прогресса: США (22 процента), ЕС (22 процента), Китая (11процентов), Японии (8 процентов)[4]. Российскую экономику можно охарактеризовать как «пустую». Бо́льшую часть ее экспорта составляет сырье, прежде всего — энергоносители. Фактически Россия находится сейчас в числе стран Третьего мира, выделяясь из этого ряда лишь наличием ядерного оружия.

Причем время для реальной модернизации, вероятно, уже упущено. История показывает, что классическую индустриализацию каждая страна может провести, как правило, всего один раз: за счет массового разорения крестьянства и притока дешевой рабочей силы в промышленные города. Именно таким путем шли реформы в России начала XX века, прерванные убийством П. А. Столыпина и мировой войной 1914 — 1918 годов. И точно таким же путем, продолжая модернизационный процесс, осуществлялась вся сталинская индустриализация— за счет организованного и жестокого разорения значительной массы крестьян. Интересно, что в конце XX — начале XXI веков этот путь перед Россией ненадолго открылся вновь. Тогда после резкого обнищания россиян, произошедшего в результате структурных реформ 1990-х годов, появились большие массы людей, готовых на низкооплачиваемый, но гарантированный труд. Однако эта возможность использована не была. Основные финансовые потоки направлены были не в производство, а в недра олигархического распила. Россия потеряла шанс стать индустриальной страной.

Собственно, это признает и нынешнее руководство России. Премьер-министр Дмитрий Медведев, еще в бытность свою президентом РФ, характеризуя состояние дел в стране, говорил о «примитивной сырьевой экономике», зависимости от импорта, «крайне невысокой конкурентоспособности» российских товаров, «позорно низкой энергоэффективности и производительности труда» на большинстве предприятий[5]. Ему вторил один из влиятельных деятелей кремлевской администрации: «Терроризм не добит. Инфраструктура изношена. Больницы и школы бедны. Техническая отсталость и бытовая неустроенность удручающе огромны. Творческие силы скудны и распылены. Когда для выживания нации срочно требуется новая экономика, упущенное время расторопно доедает старую»[6].

Ситуацию в современной России можно охарактеризовать как застой. «Сырьевое проклятие», уже давно известное экономистам, мрачной тенью лежит на стране. Ничего удивительного, что в наиболее пассионарном сегменте российского общества, среди людей деятельностных, обладающих достаточно высоким доходом, а главное молодых, половина респондентов думает о возможности уехать куда-нибудь из России, почти две трети из них (63 процента) хотели бы, чтобы их дети учились и работали за границей, а 35 процентов хотели бы, чтобы их дети жили там постоянно[7]. Другой опрос, проведенный компанией

Zurich Insurance, дает еще более впечатляющие показатели. Согласно ему, более 60 процентов россиян являются потенциальными эмигрантами, а 10 процентов уже предпринимают для этого практические шаги. Правда, отечественные социологи приводят более низкие цифры склонности к эмиграции: от 13 процентов (ВЦИОМ) до 31 процента (Ромир)[8], но тем не менее картина складывается не слишком радостная: россияне не хотят жить в России.

А во-вторых, это тяжелая демографическая проблема. Со времени распада СССР количество россиян, несмотря на ощутимую иммиграцию из Ближнего зарубежья, заметно уменьшилось. Сейчас оно составляет всего 143 миллиона человек[9]. Это критически мало для страны, обладающей самой большой территорией в мире. Причем, распределено российское население крайне асимметрично: почти 80 процентов его сосредоточено в Европейской, наиболее развитой части страны, а Сибирь и Дальний Восток представляют собой антропологическую пустыню.

Причем, опять-таки, несмотря на звон официозных фанфар, нельзя рассчитывать, что положение в этой области изменится к лучшему. Суммарный коэффициент рождаемости в современной России находится на уровне 1,7 (каждая женщина рожает менее двух детей), в то время как даже для простого воспроизводства нужен уровень в 2,1 ребенка на одну женщину. Вряд ли значительную роль сыграют здесь какие-либо программы по поддержке рождаемости и семьи: они способны лишь замедлить падение, но не направить вверх демографическую стрелу. Падение рождаемости — это общемировой вектор для развитых индустриальных стран, и еще никому — ни на Западе, ни на Востоке — переломить его не удалось. По прогнозам ООН к 2025 году население России может сократиться до 120 миллионов человек, а к 2050 году даже до 92 миллионов[10]. В геополитическом измерении это означает, что Россия окажется не в состоянии удержать свои обширные территории. И, разумеется, никакая «вторичная индустриализация», никакой «модернизационный прорыв» в таких демографических координатах не могут быть осуществлены.

Сейчас российская власть делает ставку на Евразийский проект, рассчитывая ускорить экономическое развитие за счет китайских инвестиций, совместных программ и дешевой рабочей силы из стран Средней Азии. Однако на практике это будет означать быструю (в историческом смысле) азиатизацию России — этническую трансформацию россиян в евразийский и, возможно, по большей части — азиатский народ. «Погружение в Азию», конечно, перспективно для российской автократической власти, но, как нам представляется, вряд ли вдохновит подавляющее большинство россиян.

И, наконец, такой важный фактор, как международный авторитет страны. Данный фактор означает не просто теоретическое «уважение», которое, впрочем, приятно само по себе, но и приток инвестиций, кредитов, новейших технологических разработок, возможность осуществления долгосрочных совместных программ, активирующих реальное производство. То есть международный авторитет непосредственным образом влияет на экономическое развитие. Так вот, если даже не учитывать ситуацию с Крымом, то международный авторитет России сейчас колеблется где-то возле нуля. Это видно хотя бы из того факта, что практически все страны Центральной и Восточной Европы — практически все — неудержимо стремятся в ЕС, и ни одна, за исключением специфической

Белоруссии, не хочет быть аффилированной с Россией. России остается все тот же довольно смутный «азиатский резерв». Можно поэтому без преувеличений сказать, что Россия пребывает сейчас в геополитическом одиночестве.

Так что же, ситуация безнадежная? Нам следует смириться перед грозным роком истории? Оставить всякие «державные помыслы», чрезмерно напрягающие страну, и заботиться лишь о том, чтобы угасание российской цивилизации произошло, по возможности, мирным путем?

Сдаться, конечно, проще всего.

Это не потребует от нас никаких усилий.

Достаточно продолжать жить по-прежнему, и сумеречные предначертания осуществятся сами собой.

Вспомним, однако, первую половину данной статьи. Вспомним, что история знает впечатляющие примеры того, как нация преодолевала, казалось бы, непреодолимые кризисные рубежи, восстанавливалась буквально из пепла, из развалин, из ничего, обретала новые силы для продолжения своего национального бытия. В российской истории таких примеров более чем достаточно. Правда, во всех этих случаях, которые классифицируются то как «русское провидение», то как «русское чудо» (хотя и у многих других народов происходили аналогичные «чудеса»), помимо ресурсов физических, которые, как правило, были невелики, использовался еще и ресурс метафизический — пассионарная энергетика, извлекаемая из трансформирующегося этнического ядра.

Именно эта колоссальная метафизическая энергия, мировоззренчески структурированная и имеющая внятную цель, этот огромный ресурс непрерывного деятельностного бытия требуется России сейчас, если она хочет продолжить свое существование в будущем.

Владимир Соловьев в 1888 году писал: «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»[11]. А если перевести это высказывание на язык социального проектирования, то «Российский проект», коль мы намерены его все-таки создавать, необходимо соотносить не с тем, что зримо наличествует в текущей реальности, не с тем, что уже полностью отработано и необратимо уходит во тьму, а с тем, что только еще проступает в хаосе настоящего, смутно брезжит на горизонте, почти невидимо, неразличимо, но зато предвещает неограниченный цивилизационный потенциал.

Речь опять-таки идет о национальной идее.

Не всем быть богатым

Какой может быть национальная идея России?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, укажем на одно свойство национальной идеи, которое, на наш взгляд, является принципиальным. Во всех трех случаях, когда национальная идея работает, — создание нации, спасение нации, преобразование нации — возникает как бы новый народ, обладающий новым качеством национального бытия. Нация преображается, оставаясь при этом собой. В ее сознании, а значит и в поведении, акцентируются, взаимно скрещиваются и образуют новую суть те архетипические характеристики, которые до сего момента оставались латентными. Нация словно бы переходит на

более высокий онтологический уровень и за счет этого достигает значительных преимуществ в международной конкурентной борьбе.

Исторически это выражается во впечатляющих военных победах, поскольку вплоть до второй половины XX века именно война, геополитическое сравнение сил, являлась главным критерием жизнеспособности нации. Сравнительно небольшая армия Александра Македонского одерживает победу над громадным войском персидского царя Дария III: соотношение погибших в битве при Гавгамелах 1:40. «Модернизированные» англичане, испанцы, голландцы, французы за период с XVI по XX век превращают в свои колонии практически весь Третий мир, неизмеримо превосходящий их в количественном, но отнюдь не в качественном отношении. Тот же крошечный Израиль, который на карте не разглядеть, раз за разом сокрушает гораздо более многочисленные армии арабских стран: соотношение по людским потерям, например, в Шестидневной войне 1:20, по численности населения противостоящих сторон 1:50. Интересно, что в последнем случае техническое оснащение войск было примерно равным: израильтян вооружали Соединенные Штаты, арабов — Советский Союз, так что главную роль в этих победах сыграло, выражаясь бюрократическим языком, «качество человеческого капитала».

Однако превосходство дает не только энергетика пассионарности. Нация, охваченная национальной идеей, некоторое время находится как бы в состоянии «этнического озарения», в состоянии инсайта, творческого вдохновения, каковой во многих случаях порождает принципиальные технологические инновации. У Александра Македонского это была фаланга, созданная его отцом в момент консолидации македонян. У монголов это была исключительная мобильность: быстрота продвижения — действия, заметно опережающие противника. Более того, монголы реализовали свою мобильность в способе дислокаций, который Мольтке-старший через шесть с половиной веков определил как «сражаться вместе — идти врозь», то есть в умении концентрировать все свои силы на направлении главного в данный момент удара. Фламандцы, сражавшиеся в начале XIV века за независимость против Франции, «изобрели» пехоту, доказав ее преимущество перед рыцарской конницей в «Битве золотых шпор» — это был грандиозный переворот в технологии ведения средневековых войн. В свою очередь, французы, трансформированные революцией 1789 года, «изобрели» всеобщую воинскую повинность («каждый француз — солдат»), рассыпной строй стрелков и массированную, согласованную атаку плотных пехотных колонн. Русские же (и независимо от них — испанцы) «изобрели» тактику партизанской войны, во многом способствовавшую крушению Наполеона. А зарождавшийся в пламени Октябрьской революции и гражданской войны новый советский народ «изобрел» мобильный генштаб (поезд Троцкого) и громадные конные армии, ставшие главной ударной силой тогдашних сражений.

Творческое состояние, в котором находится преображающийся этнос, одна из главных психологических характеристик нового качества национального бытия.

В современной России тоже забрезжило нечто вроде национальной идеи. В самой общей терминологии ее можно определить как все ту же «державность». После присоединения Крыма, действия, неожиданного для всех, социологи отметили волну патриотического подъема у россиян — их готовность идти на

определенные жертвы, на международную изоляцию, на глобальное противостояние с Западом ради создания «великой страны». В данном стремлении наличествует и ощутимый архетипический резонанс: представление о себе как о «великой нации» — одна из констант русского национального подсознания. Вместе с тем очевидно, что зарождающаяся «державность» понимается современными россиянами исключительно в рамках традиционного мировосприятия — как территориальное расширение, основанное на военной силе. Вообще говоря, это культурный модификат чисто биологического инстинкта: любое животное стремится к расширению своей пищевой территории. То есть, это обращение не к инновации, а к традиции. Обращение к моделям средневековых и даже античных войн. Обращение к прошлому, а не к будущему, не имеющее поэтому реальной онтологической перспективы.

Однако известны и более прогрессивные распаковки той же «державной идеи». Модернизированные революцией Мэйдзи (1868 год) японцы тоже сначала пошли по пути классической территориальной экспансии, попытавшись создать «Империю восходящего солнца», которая охватывала бы собой весь азиатский мир, но, потерпев поражение во Второй мировой войне, сумели отказаться от экстенсивной стратегии имперского расширения и обратиться к стратегии интенсивной, подразумевающей качественное преобразование отсталой страны. Национальной идеей Японии в послевоенный период стал лозунг раннего советского времени «Догнать и перегнать!» Имелось в виду — догнать и перегнать Америку по технологическому развитию. Все силы японской нации были направлены на достижение этой цели. Каждый японец знал: проиграв войну, Япония должна выиграть мир. И уже к концу 1960-х годов искомый целевой горизонт был достигнут. Япония стала одной из ведущих индустриальных держав.

Правда, простое копирование японской национальной идеи вряд ли окажется эффективным в нашей стране.

Во-первых, идеи технологического прорыва уже выдвигали и президент России, и российский премьер-министр, но никакого энтузиазма у россиян они, как известно, не вызвали. Всем было понятно, что это чистая декларация, никак не сопряженная с повседневной жизнью людей. Воспринимались данные идеи так: это нужно «им», а не «нам». Идею мало выдвинуть, ее надо еще и грамотно «подключить».

А во-вторых, при конфигурировании национальной идеи следует учитывать не только психологию нации, что, кстати, труднее всего, но также физическую специфику самого государства. А физическая специфика нашей страны заключается в том, что в России более холодный климат, чем в большинстве развитых западных стран, и более обширная, с трудными коммуникациями, территория, во многом не освоенная до сих пор. При любой экономической деятельности Россия вынуждена будет платить дополнительные налоги, транспортный и климатический, исключить которые из накладных расходов нельзя. И если до периода интенсивной глобализации, когда национальные экономики были в определенной степени разобщены, это принципиального значения не имело, то теперь, в мире всеобщей экономической взаимосвязанности, любая, самая незначительная нагрузка на производство порождает ощутимые конкурентные трудности.

В классическом варианте развития Россия всегда будет экономически напряженной страной, что наглядно продемонстрировала история.

При прочих равных мы ни в развитии, ни в богатстве никогда не сумеем сравниться с мировыми лидерами Запада и Востока.

Мы будем все время, хотя бы чуть-чуть, отставать.

И все же у идеи технологического прорыва есть определенная перспектива.

Если простыми словами, то ее можно выразить так.

В очень давние времена перестройки на одном из многочисленных круглых столов, которые были очень популярны в те дни, мне был задан знаменитый американский вопрос: «Если ты такой умный, то почему не богатый»? И, помнится, не запнувшись ни на секунду, я выдал следующий ответ: «Не всем быть богатым, кому-то надо быть умным». Даже сорвал при этом какой-то аплодисмент.

На полноценную национальную идею такой ответ, разумеется, не потянет. Однако смысловая начинка его, как нам теперь представляется, имеет серьезный цивилизационный потенциал.

Как солить огурцы

В 1866 году, когда прусские войска разгромили армию Австрийской империи при Садове, канцлер Бисмарк сказал, что «эту войну выиграли немецкие учителя». Подразумевалось, что качественный уровень немецкого солдата был значительно выше австрийского, что являлось следствием немецкого школьного образования.

В действительности это легенда. Бисмарк данную фразу не произносил. Эту мысль сформулировал совсем иной человек[12] . Однако здесь важно другое. Уже в конце XIX столетия была осознана универсальная ценность образования. Образование — это не просто сумма конкретных знаний, необходимых для овладения какой-либо обыденной специальностью. Образование — это качество нации, проявляющее себя во всех сферах жизни — от политики до повседневности, от экономической деятельности до войны. Напомним, что советская модернизация образования, то есть переход ко всеобщему начальному, всеобщему среднему и затем — к массовому высшему образованию породил пассионарную волну инноваций, длившуюся более полувека, вплоть до 1980-х годов. Советский Союз создал легендарный танк «Т-34», систему залпового огня «катюша», атомную и водородную бомбы, первым вывел на орбиту искусственный спутник Земли, первым запустил человека в космос. Напомним также, что политические, экономические и военные успехи Соединенных Штатов не в последнюю очередь были обусловлены систематическим включением в американскую нацию образованных людей — эмигрантов со всего мира.

Вот мощный ресурс, не требующий (по крайней мере на первых порах) ни глобального экономического переустройства, ни резких политических сдвигов, чреватых потрясениями и революциями.

Когнитивная трансформация нации, повышение ее качества за счет резкого повышения уровня образования — вот путь, который современной России и вполне доступен, и остро необходим. Более того, на наш взгляд, это вообще

единственный путь, обеспечивающий России реальное существование в будущем.

Причем вполне понятен и механизм реализации этой идеи. На самой начальной стадии она потребует модернизации аксиологического канона. Суть здесь заключается в следующем. У любого народа есть свой «ценностный свод», свой «этнический катехизис», свои «скрижали», куда входят базисные идеологемы его национального бытия. Такой канон, непрерывно транслируемый в обычную жизнь, определяет для нации весь ее поведенческий репертуар: что представителю данной нации можно и чего нельзя, к чему он должен стремиться и что категорически отвергать, какие принципы исповедовать и какие идеалы провозглашать. Подобным каноном в свое время была уваровская триада «православие, самодержавие, народность». Подобным каноном в советское время был «Моральный кодекс строителя коммунизма»: «коммунизм, интернационализм, коллективизм» и т.д.

В современной России такой канон тоже имеется. Правда, в него входит всего одно правило, которое можно сформулировать так: «будь успешным и не попадись». Иными словами: греби, сколько хочешь, но соблюдай при этом правила теневой социальной игры. Понятно, что такой канон не является объединяющим, напротив, он продуцирует скрытую, но ожесточенную «войну всех против всех».

Создание нового аксиологического канона — это для России задача номер один. И, как нам кажется, задача эта вполне выполнима. «Позитивная реморализация»[13] уже не раз успешно осуществлялась в истории. В качестве примеров можно привести денацификацию Германии после Второй мировой войны, аналогичную демилитаризацию национального менталитета Японии — тоже после поражения ее во Второй мировой войне или, если брать мирный период, внедрение в 1960—1970-е годы в американское общественное сознание представлений о равенстве чернокожих американцев (иноэтничных граждан вообще) с «коренными» белыми гражданами США, обеспеченное доктриной мультикультурализма.

Для современной России когнитивная трансформация может состоять в переходе от «аксиологии успеха», единственным критерием которой является денежный эквивалент, к «аксиологии интеллекта», критерием которой будут являться инновационные творческие достижения. Иными словами, доминирующий сейчас в западном мире «давосский дискурс», который акцентирует безликую финансовую «эффективность», должен быть преобразован в «российский дискурс», где эффективность является лишь следствием высокого национального интеллектуализма. Разумеется, это потребует переформатирования всего медийного пространства страны: достижения в интеллектуальной сфере должны пропагандироваться по крайней мере не меньше, чем победы футбольных или хоккейных команд. Однако как раз это нетрудно: «суверенная демократия», структурирующая сейчас российскую прессу, чрезвычайно удобный для подобной операции инструмент.

Очень перспективна в проектном смысле и этическая компонента такой трансформации. Она может быть представлена как переход от агрессивных маскулинно-милитаристских ценностей к ценностям толерантным, феминным, более соответствующим наступающей когнитивной эпохе. Или проще: как

переход от конкурентных отношений, где «победитель» подавляет «побежденного», фактически уничтожает его, к отношениям комплементарным (отношениям социального дополнения), где «выигравший» сотрудничает с «проигравшим». Это, конечно, потребует, и нового модельного ряда социально-ориентированных эталонов (вместо олигархов — творческая элита), и нового репертуара основных поведенческих стереотипов. Одновременно потребуется и новая социальная навигация, прокладка типовых траекторий в российском экзистенциальном пространстве (школа — институт — научная деятельность — инновационный успех; или школа — институт — бизнес — опять-таки инновационный успех), которые выводят к социально-престижному статусу.

Разумеется, новый канон должен быть предельно квантифицирован, то есть изложен в простейших идеологемах, доступных каждому россиянину. Как в советское время всем было понятно, что представляет собой советский человек, каковы его основные черты, так новый канон должен давать представление о том, что есть россиянин.

В принципе данный канон может стать главным критерием идентичности. «Российскость» (а возможно, и «русскость») уже не будет дробиться обособленными этничностями, как это происходит сейчас, а — интегрироваться по соответствию единому аксиологическому формату. Россияне (русские в том числе) вновь смогут стать универсальной нацией, каковой они успешно являлись в большей части своей национальной истории.

Однако самым важным в когнитивной трансформации россиян, вероятно, является то, что она соответствует русским историческим архетипам, то есть константам национального подсознания, сложившимся в процессе длительного этногенеза. В частности тому, что всякое богатство греховно, что у русского народа есть особое предназначение (свой метафизический горизонт) и что духовность (которую вполне можно трактовать как образованность и интеллектуализм) — это имманентное (врожденное) качество «русскости». В результате может возникнуть архетипический резонанс, являющийся одним из главных источников пассионарности.

Задачу, на наш взгляд, облегчает и то, что когнитивная трансформация необязательно должна иметь тотальный характер. Историю никогда не делает большинство. Историю делает пассионарное меньшинство, почувствовавшее и осознавшее вызов новой эпохи. В революциях и гражданских войнах, как правило, участвует не более 10 процентов всего населения, остальные, то есть подавляющее большинство, сидят по домам и ждут, когда это все кончится. То есть национальная идея первоначально должна охватить только эти 10 процентов. А далее начинает работать «демонстрационный эффект», описанный петербургским экономистом Дм. Травиным[14]. Провинции подражают столице, низшие социальные страты — высшим, народ — элитам, отставшие государства — государствам успешным. Психологическая индукция — это мощный процесс, которому почти невозможно противостоять. Как любил говорить первый и единственный президент СССР, тут «главное н*а*чать». Или, как формулирует это сам народ: «если огурец положить в рассол, то он становится соленым независимо от собственного желания».

Русское чудо

Россия стоит на пороге больших решений. Она находится в ситуации глобального вызова, угрожающего существованию нации и государства. Причем угрожает России вовсе не Запад, как это может показаться на первый взгляд. Глобальный вызов сформирован будущим, которое уже наступает, преобразуя собой весь мировой ландшафт. А будущее, к сожалению, беспощадно. Оно запускает свои холодные щупальца в настоящее, и ему «наплевать на все заслуги прошлого — истинные или мнимые...», как выразились однажды Стругацкие. Будущее — единственный противник, которого победить нельзя. Любая нация, сколь бы сильна она ни была, вступив в схватку с будущим, обречена на тотальное поражение. Сражаться с будущим вообще бессмысленно. Будущее можно только принять — со всеми его особенностями, кажущимися порой абсолютно парадоксальными. Однако в этой парадоксальности и заключается жизнеспособность будущего. Будущее — это не только угрозы и потрясения, открывающие провалы дымящихся бездн, это не только вызовы, раскалывающие громадные этносоциальные материки, будущее — это еще и спектр новых возможностей. Выдвигая чудовищные проблемы, будущее одновременно указывает и ресурсы, с помощью которых эти проблемы можно преодолеть. Эти ресурсы, как правило, неочевидны, они так же парадоксальны, как вызовы, и традиционному сознанию их так же трудно принять, тем не менее они неизменно наличествуют, и потому в будущем неизменно наличествует некая положительная перспектива.

У России сейчас есть три версии дальнейшего существования.

Можно, конечно, рассчитывать на «русское чудо». То есть на знаменитый русский «авось», который помогал нации выжить в исторически трудные времена. Можно, конечно, по-прежнему ориентироваться на прошлое и, красуясь державным величием, полагать, что бог, с которым, как известно, граничит Россия[15], в итоге спасет ее несмотря ни на что. Как писал Алексей Толстой: «Уезд от нас останется, — и оттуда пойдет русская земля...» Не хотелось бы, правда, чтобы от русской земли остался один уезд. И к тому же здесь следовало бы иметь в виду, что «хождение по мукам» может продолжаться очень и очень долго. Кстати, знаменитое «венское легкомыслие» (смысловой аналог того же «авось») и такое же непреклонное убеждение, что бог на ее стороне, не помогло в свое время выжить Австро-Венгерской империи.

Можно, напротив, со множеством оговорок, как это уже происходило не раз, придерживаться стратегии классической европейской модернизации: принимать соответствующие законы, наращивать соответствующие социальные институты, надеясь в конце концов получить желаемый «западный» результат. Однако и тут следовало бы иметь в виду, что «догоняющая модернизация», путь, которым Россия шла в течение почти всей своей послемонгольской истории, несомненно, обеспечивал развитие и подъем экономики, но никогда не выводил страну в число экономических лидеров. Военных — да, технических — время от времени, экономических — нет. И это вполне понятно. Следование чужим прописям — ни в социальном творчестве, ни в художественном, ни в научном — никогда не приводило к подлинному успеху. Ученик при этом неизбежно

оставался учеником, стоящим на ступеньку, на две ниже учителя. Превзойти учителя он мог лишь в том случае, если начинал делать что-то свое.

И наконец Россия может избрать третий путь. На метафизический вызов будущего она может дать такой же метафизически мощный ответ. На наступление когнитивной эпохи она может ответить стремительной модернизацией человека. Мы можем создать новую нацию, новую цивилизационную сущность, совершенно новый народ, прозревающий в будущем не столько угрозы, сколько — перспективные и увлекательные возможности. Народ, который раздвинет границы унылого традиционного бытия. Народ, который утвердит себя в мире пленительной силой разума, а не устрашающей силой межконтинентальных ракет.

Это тоже будет своего рода «русское чудо», но — рукотворное чудо, созданное нами самими.

На вызов будущего мы можем ответить национальной идеей, которая просияет ярче тысячи солнц.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — Ленинград, 1990. Часть шестая «Пассионарность в этногенезе». С. 262.

[2] *Hedrick Smith.* The Russians. — New York, 1976. P. 302 — 303.

[3] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004. С. 216.

[4] The World Bank. — http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf.

[5] *Медведев Д.* Россия, вперед! — http://news.kremlin.ru/news/5413.

[6] *Сурков В.* Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43.

[7] Левада-центр. «Российский средний класс. Его взгляд на свою страну и Европу». — http://www.levada.ru/press/2008070101.html).

[8] *Терехова А.* Россия — мировой рекордсмен по числу эмигрантов // Независимая газета. 2013. № 269.

[9] Федеральная служба государственной статистики. Перепись 2010 г. — http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-01_02.pdf.

[10] *Сафарова Г.Л.* Старение населения России: современное состояние, перспективы, последствия для социальной политики // Проблемы экономической теории и политики. — СПб., 2006. С. 148.

[11] *Соловьев В.* Русская идея // *Соловьев В.* Смысл любви. — М., 1991. С. 42.

[12] Автор этого высказывания — профессор географии из Лейпцига Оскар Пешель (1826—1875). В июле 1866 г. он писал в редактируемой им газете «Заграница»: «Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки побили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем» // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Автор-составитель Вадим Серов. — http://www.bibliotekar.ru/encSlov/15/250.htm.

[13] Позитивная реморализация — термин Аркадия и Бориса Стругацких (см. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Трудно быть богом: фантастические произведения. — М., 2006. С. 159).

[14] *Травин Д.* Россия на европейском фоне: причины отставания. 2. Как мир становится развитым? // Звезда. 2013. № 4. С. 186—197.

[15] Рильке писал, что Россия граничит не столько с другими странами, сколько с Богом. См.: *Рильке Р. М.* Как на Руси появилась измена // *Рильке Р. М.* Проза. Письма. — М., 1999. С. 174—179.

Василий Голованов

Дочки-матери

I

Потом она все пыталась вспомнить, когда сжалось пространство и настала тишина. Война прошла дальше, мимо них, в стороне, так и не задев. Война, как она ее успела узнать (медсестер из санаториев района Кавказских минеральных вод в обязательном порядке призвали уже 22 июня 41-го), полна была людей, звуков, крика и адского грохота, но она полна была и ощущением близости своих; они были рядом, с боков, спереди и позади повсюду, а тут, по мере того, как война теряла свою разрушительную силу и переходила в какое-то иное состояние, вокруг становилось все тише, тише и все ближе подступало одиночество.

Они все еще стояли на дороге. Они все еще чувствовали себя в безопасности на дороге, и солдат со свежим ранением в предплечье даже присел, и она взглянув ему в лицо, увидела его ввалившиеся от жары глаза и еще подумала, что воды дать надо бы, шли уже ночь и полдня, но ничего, дотерпит, подумала, уже близко: мост перейти, а там Баксан, и там наши. И тут она заметила бредущих в кукурузе людей. Они шли молча. Не говорил никто. Шли в другую сторону, навстречу им, а главное, у них были такие лица, чужие лица без надежды, что она почувствовала: еще чуть-чуть — и одиночество поглотит ее. И вот тут один, в форме, заметив их на дороге, показался из кукурузы и спросил:

— На Баксан идете?

— Да, — ответила она.

— Не ходите! — убежденно сказал человек. — Если оружия нет, не пробьетесь. Бьют там наших. Стреляют с той стороны реки. Измена. Знают, что наши идут раненые, без оружия. А в Нальчике десант — немцы.

И вот тут она почувствовала. Одиночество. О-о-о, как сразу выстыла кровь и сжался голос. Как будто она маленькая и заблудилась, и не знает, куда идти. И все эти люди вокруг, в кукурузе, тоже не знают...

Как странно, — подумала она. — Весь день наоборот получается. Ничего не выходит. Утром все было отлично: она рассчитывала уехать из Ессентуков с персоналом своего госпиталя на электричке. Отправляли только врачей и медсестер, потому что раненых было столько, что их надо было вывозить отдельно. Поезд ждал отправления: он весь, от частей своего механизма до людей, находящихся в нем, был погружен еще в четкий регламент войны и эвакуации; вчера отправили четыре эшелона на Тбилиси, сегодня должны были отправить столько же, ничего не должно случиться, она была в этом уверена, как за месяц до этого была убеждена, что немцы никогда, ни при каких обстоятельствах, не прорвутся сюда, к армейским тыловым

Голованов Василий Ярославович — прозаик, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Публикации в «ДН»: «Остров» (№ 5—6, 1997), «Стрелок и Беглец» (№ 6, 1998), «Эпоха Антропоцена» (№ 10—11, 2009) «Восхождение в Сограть» (№ 2, 4, 2012) и др.

госпиталям, разместившимся в зданиях бывших курортов Кавминвод, где выздоравливали теперь раненые. Электричка тронулась, но на станции Бештау уперлась в красный семафор, и хотя все ждали, что тот вот-вот переключат на зеленый, его все не переключали, а поезд, вздрогнув по всей длине, вдруг сдал назад и пошел, набирая скорость, обратно, и все яснее становилось, что что-то дало сбой в механизме войны, что-то сломалось...

Немцы действовали как всегда продуманно: первым делом разнесли вокзал в Минводах.

Было начало девятого вечера, когда вернулись в Ессентуки. Прошло совсем немного времени, но ей казалось, что она не узнает родной город: как будто люди пораскрывали все двери и носятся один к другому, передавая какие-то пугающие вести. Она увидела людей, везущих на тачке раненого с перебинтованной головой.

Тяжелый, — отметила про себя.

— Граждане! — вдруг услышала она голос начальника своего госпиталя Яницкого. — Кто может, — возьмите к себе раненых! Возьмите, иначе они погибнут! Это солдаты, они сражались за нас, немцы их не пожалеют! Уверяю вас, это ненадолго...

Увидев ее, Яницкий на секунду потерял дар речи.

— Люба? Почему вы вернулись?!

— Немец разбил вокзал в Минводах.

— О, черт, — он запнулся. — Мы в мешке. И веревка почти затянута...

Она увидела солдат из соседнего госпиталя, стоящих и сидящих у ограды. По одиночеству в их глазах видно было, что их бросили на произвол судьбы и они теперь не знают, кто они, что им делать.

— Что-то надо придумать... — лихорадочно произнес Яницкий. — Комиссар! Впрочем, при чем здесь комиссар?.. Ни одной подводы, ни одной машины... — Он помедлил. — Вы, Люба, на ногу легкая?

— Легкая, — сказала она.

— Тогда берите ходячих и уводите их, пока не поздно. Пойдете через Юцу и Баксан, оттуда на Нальчик. Там, я думаю, еще спокойно.

— Есть, — сказала она.

Начальник госпиталя собрал ходячих: в основном это были довольно бодрые и крепкие ребята, раненые кто в руку, кто в плечо.

— Пойдете с этой товарищ медсестрой. Если будете идти быстро, то проскочите...

И вот: они не проскочили. И сидят теперь в кукурузе, полной шорохов испуганных, крадущихся людей.

— Посчитайте, сколько вас, чтоб не растеряться в темноте, — сказала она.

Они посчитались.

— Семнадцать.

Тут только она заметила, что один из «ходячих», доставшихся ей, опирается на палку. Он был ранен в бедро.

Не выдержит, начнет отставать. Намаемся с ним... — подумала она.

Они пошли обратно в ночь. Вторую ночь на ногах. Она устала и слышала теперь только шорох кукурузы, сбитые шаги рядом да молчаливое, натруженное дыхание своих раненых. Она уже научилась отличать дыхание своих от прочих, кто брел в темноте; кто-то из раненых на выдохе пристанывал, будто наступал на больное. Над головами идущих прекрасно рассыпались по небу звезды. Скоро стало светлеть, и снова впереди — только не слева уже, а справа — возник величественный зубец Бештау.

Почему-то сейчас вновь видеть гору было невыносимо.

Она остановилась. Раненые молча ждали позади нее. Неожиданно один подошел и осторожно дотронулся до рукава гимнастерки. Она подняла на него глаза. Это был тот солдат, с палкой, раненный в бедро.

— По кругу ходим? — сказал солдат. — Перепуганы люди. Сами себя боятся, друг от друга прячутся... Ни одного немца не видел никто, а уже боятся... Но ты людей не вини, — мягко сказал солдат. — Ты скажи: что делать будем? Так нам мотаться смысла

больше нет. Надо расчетливей действовать, иначе, как баранов, сгуртуют нас да и погонят, куда следует. Скажи, как звать тебя?

— Люба.

— Вот, Люба. А я из Севастополя. Володя меня зовут. В героических боях дрались мы, Люба, и умирать теперь из-за того, что все невидимого немца испугались, никакой охоты лично у меня нет...

— Стонет там у вас кто? Ты? С ногой что-нибудь? — спросила она.

— Нет, — сказал солдат. — Лешка стонет. Душа мается, вырваться хочет: не понимает он, что к чему. Молодой очень...

Рассветный час сменился жарким утром, когда они вошли в Пятигорск. С первого взгляда ясно было, что город оставлен всякой властью: на улицах царила суета, похожая на суету муравейника; часто закрывались и открывались двери домов, окна, а главное, на улицах много было людей, но все они двигались в разных направлениях, и при этом каждый тащил что-то. Вот оттуда в мешках тащат муку, тут рассыпано мыло; тут вся дорога залита растительным маслом, и женщины с бидонами все бегут, бегут куда-то, откуда тянется этот след... Магазины, склады, бывшие госпиталя — все было раскрыто, и люди тащили все, что могли унести на себе: гвозди, соль, кровати, простыни... Они оторопело смотрели на шевеление развороченного муравейника города, но их никто не замечал. Люди знали, что армия ушла, не забрав даже раненых, и что уже поэтому никаких солдат в городе быть не может, а если случайно объявились на улице какие-то в форме, то это просто несчастные бездомные существа, которым не повезло убраться вовремя и которые поэтому в первую очередь будут подвержены гибели. Она поглядела на страшные лица солдат, на их разбитые рыжие сапоги и грязные бинты, потемневшие от пота. Она поняла, что нужно спасать их, скорей уводить отсюда.

— Стойте! — крикнула она двум женщинам, которые тащили железную кровать, груженную больничными подушками и одеялами.

Те грохнули кровать посреди улицы и, чуть отдышавшись, утерли вспотевшие лица.

— Че тебе?

— Немцы... — спросила она. — Были здесь?

— Немцы! — усмехнулась одна из женщин. — Мы не видали. Кругом, говорят, уже они: в Ворошиловске[1], в Минводах, в Георгиевске... На Орджоникидзе фронт уходит... До нас у них руки пока не дошли... — выпалив эту тираду, женщины подхватили кровать, словно вспомнив, что зазор во времени, приоткрывшийся отсутствием властей, может захлопнуться в любую минуту.

— На Орджоникидзе... Видала, как? — с досадой проговорил Володя из Севастополя. — До самого Кавказа, значит, провалился.

Он обращался к ней, но она, кажется, не понимала, слишком захваченная картиной охватившего город безумия.

— Кто провалился?

— Фронт...

Солдаты сидели в тени вокзальной стены, как убитые. Она вспомнила, что такие лица уже видела когда-то. Она поняла: каждый из них сейчас получил свежее ранение и не может прийти в себя, не может найти точку опоры, чтобы встать.

— Ребята, — позвала она.

Ничего не изменилось в выражении их лиц. Она подумала, что надо все равно рассказать: влить им эту историю, как лекарство, сквозь зубы.

— Когда я попала на фронт, немец первый раз взял Ростов. И к нам стало попадать очень много солдат с психическими расстройствами. Они пережили разгром, страшный разгром под Ростовом, и вот, у которых помоложе, психика не выдерживала, потому что им казалось, что это — все, окончательно. Они не могли смириться с

[1] Ставрополе.

разгромом. Они, особенно которые помоложе, пришли победить. А тут... Немец тогда цистерны резал, с самолетов их бросал. Она, как труба: так воет, что кожа стынет. И вот они не в бою, не под бомбами, а от этого воя сходили с ума. Здоровенные парни, ни одной царапинки. И когда через две недели обратно отбили у немцев Ростов, они уже все в солдаты негодные были. Не выдержали самую малость — и на инвалидность прямым ходом...

Она успела заметить, что все до одного открыли глаза и смотрят на нее.

— Вы сейчас потерпите немножко. Не смотрите по сторонам, если не можете. Это люди не от подлости все вокруг тянут, они от страха тянут, головы потеряли, всем запасаются... Им тут под немцами худо придется. Хуже, чем вам, если дойдете. А мы сейчас... — она все думала, чем обнадежить их и находила только одно. — До мамы дойдем... Там отдохнете. Покушаете... И я вас всех, обещаю, выведу. Всех накормлю, одену: если захотите — все проберетесь на фронт...

II

— Ну, слава тебе Господи, жива... — сказала мать.

— Вот... — повернулась она к семнадцати.

— Да уж, намучались, — сказала мать, пропуская солдат во двор.

Потом она уже не помнила.

Проснулась она в доме, в прохладной комнате, где всегда спала: вечерний свет освещал цветы на окошке. Краешком детского сердца ей захотелось позвать мать и спросить: мама, что это было? И было ли что? И чтобы мать ответила: что ты, Любка, спи, ничего не было.

Но она знала, что было. Застегнула гимнастерку, поправила волосы, спустилась вниз. Солдаты спали во дворе у забора, разделявшего соседние участки, в тени последней яблони: все остальное пространство сада было засажено кукурузой, как будто люди загодя знали о войне и готовились к голоду.

— Юрка! — позвала она.

Откуда-то из глубины сада возник брат.

— Где мать?

— Насчет одежды для них спрашивать пошла.

— А ты?

— Кукурузу варю.

...На третий день, когда в город вошли немцы, к ним пришел летчик. На окраине немцев никто не видел, но весть о них распространилась молниеносно. Немцы должны были прийти на танках, и так они пришли: в центре, у вокзала и на площади перед прокуратурой, у входа в парк стали немецкие танки. Окраина погрузилась в окончательную тишину затаившегося пространства, наполненного лишь звуками природы, игрой ветра да шорохом насекомых. Летчик шел по улице от дома к дому, беспощадно-обнаженный в своей разорванной на коленях и местами прожженой летной форме, стучась по очереди в каждую дверь. Но где-то двери просто не отворялись ему, где-то приотворялись, прогоняя улицей все дальше и дальше, пока он не дошел до их дома, дома Шаталовых с четыремя высокими акациями под окнами. Он постучал.

Женщина открыла калитку, молча оглядела и впустила его.

— Простите, — прижал он почерневшие ладони к груди, — Все направляют к вам. Я летчик. Машина разбилась на Бештау... Мой напарник погиб...

Он назвался, разумеется, и по имени, но, кажется, это не имело такого уж большого значения для этой женщины; она не переспрашивала его и не назвала себя, просто сказала: «пойдем».

Он успел заметить лица и глаза двух маленьких детей у стены дома, кажется, мальчика и девочки, и, как корова, пошел за женщиной вглубь сада. За стеной зеленой еще кукурузы он увидел отрытый окоп и сидящих там таких же, как он, людей.

— Вот, — сказала женщина. — Располагайся тут с ребятами...

Он понял, что ему придется разделить общую судьбу этих людей, и шагнул к ним.

Семнадцать пар глаз сверлили его, с поразительной точностью угадывая все подробности его бедствия: самолет, измученный смертельной раной, пламя, пробившееся в кабину, низвержение в гущу леса, удар о землю, гибель товарища, блуждание в незнакомом лесу с гудящей от удара головой, колючки, изодранные руки, первая ночевка на голой земле, голод, случайно обнаруженный родничок ледяной воды, которой он, как бурдюк, заполнил свое чуткое пустое брюхо...

Рядом с окопом на треножнике стоял казанок с остатками грубой каши, под которым тихо дотлевали комли деревьев — пни с обрубленными корнями, неподвластные уже ни пиле, ни топору...

Он прислушался: где-то блеяла коза, где-то плакал ребенок, и мать, укачивая его, долго нараспев повторяла две ноты, издревле связующие мотив материнской нежности. Где-то звякнула посуда, где-то женщина, невольно вздыхая, собирала в таз опавшие яблоки, где-то крупорушка пережевывала сухое зерно в муку. Ни одного мужского звука не было слышно здесь, ни раскатистого мужского смеха, ни звука мужской работы, ни даже покашливания старика...

Познакомился с сидевшими в окопе. На каком-то вираже своего рассказа он вдруг умолк, заслышав тихий женский разговор:

— Я даже не знаю, мама, у него там под гипсом гангрена, я гипс сняла, а там по всей голени гнойные черви... жирные, белые... — молодой женский голос, казалось, дрожал от ужаса.

— Это ничего, они до мяса объедят, почистят только, а сейчас рану надо дубом... Я в парк схожу, коры надеру, ты свари покрепче, бинты вымочи и забинтуй — как на собаке зарастет...

Этот голос он знал: это был голос матери, впустившей его сюда, голос матери всех этих молодых женских голосов, голос матери всех этих несчастных, оказавшихся ничьими на дорогах войны. Он понял, что их гораздо больше, чем он подумал сначала, что они везде, почти в каждом доме, и только там, на улице, по ту сторону заборов, могло казаться, что дома оглохли и вымерли: пространство внутри дворов жило тайной жизнью улья, самой подвижностью и суетой этой жизни, беспрерывным движением среди таганков с каким-то варевом, кипящих пеленок, орущих младенцев, бессмысленных уток и блеющих коз пытаясь сокрыть в глубине кишащего роя несколько неучтенных человеческих особей, меченных бинтами ран, и тем уберечь их от смерти...

Потом он проснулся и понял, что долго спал. Никто не будил его.

Потом пришли две девушки и принесли раненым брюки и пару рубах.

Двое раненых вылезли из окопа и, скинув заношенное солдатское обмундирование, торопливо переоделись, словно смущаясь своих худых, нечистых и ослабших тел...

Девушки чуть-чуть причесали и прихорошили их, по возможности придав их засидевшимся окопным физиономиям гражданский и даже бравый вид парней, которые вышли прогуляться с девчатами...

Девушки выходили за калитку и шли первыми. Пройдя квартал, сворачивали в проулок, в пустое, пронизанное закатным солнцем пространство запущенных садов у реки. Два женских силуэта бесшумно двигались впереди, чарующе-прекрасные в своей самоотверженной решимости сопроводить их к краю мира. На берегу реки девушки останавливались. Парни приближались к ним. Со стороны и вправду могло показаться, что между ними происходит объяснение в любви...

— Если пройдете, напишите сестре в Хафиз, — говорила Люба, давая каждому записочку с адресом: сестра работала учительницей в Средней Азии, куда не могла же дотянуться война...

— Прощайте...

— Прощайте, добрый путь...

Так их осталось шестнадцать.

Только после войны выяснилось, что в Хафиз сестре приходили письма «от чужих людей» — значит, многие сумели, прошли, «прорвались».

III

Немцы заняли Ессентуки 11 августа 1942. За неделю сестры — Люба и Мария — успели вывести «в сады» на тайные тропы, снабдить хлебом и указать путь четырнадцати окрепшим раненым. Теперь в окопе на дворе оставалось лишь двое: Володя из Севастополя (у него началось воспаление пулевого канала) и другой, имени которого она не спрашивала, но который, похоже, вовсе не хотел, рискуя жизнью, пробиваться к своим. К тому же немецкой комендатурой был выпущен приказ: всем бывшим советским военнослужащим, раненым — явиться и стать на учет. За неподчинение — расстрел. За укрывательство — тоже расстрел. И были люди, которые «сдали» своих раненых в комендатуру. Или соседям. От Даниловых Шаталовым передали раненого (там своих было пятеро детей), от Павленкиных другого, и так собралось их в окопе снова шесть человек: Гриша Гаража, Сергей Мухxо, Иван (фамилию забыла), Саша Кумской из Армавира да два Володи — из Брянска и из Севастополя. А дальше... А дальше была просто жизнь: ходили за кукурузой, за дровами, варили кашу, делали перевязки, обстирывали, выменивали по дворам теплую одежду... Вы понимаете, ничего *такого уж* героического во всех этих походах не было. Только у Любы от тяжеленных мешков позвоночник на всю жизнь сорван, диафрагма лопнула от натуги и сердце слева направо как-то переползло...

Солдаты потихонечку окрепли, раны их затянулись. Обычным путем — в сторону Кавказа ушел однажды летчик, прихвативший молодого Андрея, пристанывавшего от ужаса жизни тогда, в кукурузе: летчик был силен, у него был настоящий пистолет. Как-то раз Люба ездила в бывший совхоз «Карл Маркс» — муки намолоть, там была мельница — и выяснила, что близко, через Верблюд-гору, есть товарная станция, железнодорожники готовы помочь, отправить, кого надо, на Украину.

Володя из Севастополя стал готовиться «в прорыв». Чуть не сорвало это дело одно обстоятельство. Однажды на улице появился немец. Улица окраинная, сроду немцев здесь не бывало, а тут — на тебе. Идет вполне целенаправленно — за гусем. И вот, гуси побежали, один юркнул под калитку, немец за ним во двор — а там все шестеро во всей красе. Сидят, на осеннем солнышке греются. Девушки даже не заметили, что он вошел, — обедали. И вдруг — гос-по-ди... Он посмотрел на них, на мужчин, все понял, сел на пенек, закурил. Глубокую затяжку сделал. Как будто переживал, какую-то думку думал. Потом обвел всех глазами и говорит: Сталин-Гитлер гр-гр-гр, а мы, камрад, капут, капут. Потом Сталин-Гитлер будут тринкен — чокаться — а мы будем в земле гнить — вот так показал. Потом говорит: мне гусь нужен. Мать тут же отловила ему гуся. Он забрал его и ушел. И весь дом дрожал несколько дней: выдаст — не выдаст? Не выдал. В конце уже осени 42-го зашел еще раз. Сказал, что его отправляют под Сталинград. Nach Stalingrad. И газетную вырезку дал: там были сфотографированы несколько повешенных. Постучал пальцем: вот, дескать, что вам за ваши дела может быть...

Через Верблюдку на Украину переправила Люба обоих Владимиров — из Севастополя и из Брянска. А четверых так и додержала до прихода Красной Армии — 11 января 1943.

IV

Я приехал в Ессентуки. Разыскал этот дом. Люба Шаталова стала, разумеется, бабушкой, и только в той особой заботливости, с которой она со мной беседовала, кормила, укладывала спать, видна была в ней неистребимая и добрая воля настоящей медсестры. И воля, видимо, железная. Потому что когда я огляделся, не поразиться было нельзя: домик маленький и садик маленький, сотки четыре. Пара яблонь там новых выросла, на месте кукурузы — пара грядок и тут же, на границе с соседями, был тот окоп, где они жили и, значит, разговаривали, или хотя бы чихали, или кашляли,

ели, и неизбежно, выходит, ходили по нужде... Чтобы тут кого-то прятать... Тут не в храбрости дело. В воле. В решении.

Я тогда три дня у нее прожил и расспрашивал очень подробно, потому что у Сергея Бодрова (младшего) была мысль: а не сделать ли фильм по этому сюжету? Обсуждали мы такую тему. И для полноты, что ли, картины не хватало малости: романтической интриги. Чтобы, скажем, Володя из Севастополя, уходя через Верблюдку в неизвестность войны, немецкого тыла, в конце остановился и сказал... Даже не про любовь. И даже, может быть, не сказал, а просто — взял за руку. Мол, я вернусь, Люба.

Но сколько я ни расспрашивал Любовь Дмитриевну, к каким бы журналистским ухищрениям не прибегал — ничего у меня не выходило. В конце концов ломанулся напрямик: вам девятнадцать лет, вы — красавица, а они, хоть и раненые, но мужики же молодые, да как оказалось и герои... И ничего меж вами не было? Не верю. Она грустно так рассмеялась и произнесла: вы, Вася, даже не понимаете, о чем говорите... Такие чувства... Они знаете, после войны хлынули... Будто расцвело все. А тогда была зима. И в прямом, и в переносном смысле. Оккупация. Поймали бы меня с кем-нибудь из них — расстреляли бы сразу. Соседи бы слово шепнули — всем бы конец. И плюс их накормить, дров притащить, одеть, проводить... Это все такого напряжения чувств требовало — вы, что хотите, думайте, — но не до любви...

Я тогда понял, как надорвалась и выстыла душа этой прекрасной девушки, как чутка она была — как животное, по следу которого идет охотник, у которого нет и не может быть мысли о пощаде. Разумеется, «романтический момент» для фильма можно было бы додумать, привнести в сценарий намеком, лучиком тепла, надежды. Но это было бы вранье. Пять месяцев жили они среди голой беды, зимы, надсады. Во всем себе отказывая, таясь, как преступники, на грани. Все время на грани... Ради чего? Чтобы спасти этих людей, раненных солдат, доверившихся им, беспомощных, как дети, попавших в смертельную для солдата беду. Они оплели эту беду коконом женской заботы, этим плетением *скрывая* раненых, но неизбежно *обнаруживая* себя: любой заинтересованный наблюдатель быстро просек бы, что значат эти походы за едой, выменивание мужских вещей, когда в доме одни бабы, поиски марли, спирта... Если уж говорить о кино, то тут фильм пришлось бы выстраивать на почти неуловимых психологических нюансах, в очень сдержанном, может быть даже черно-белом, эмоциональном ключе и, что труднее всего, строить всю драматургию на внешней бессобытийности (разве что немец) и колоссальном, но невидимом напряжении их подвига. Сергей Бодров выбрал потом более динамичный сюжет про войну, соответствующий его режиссерскому дару. И во время съемок погиб почти со всей киногруппой в Кармадонском ущелье. Это до сих пор памятная трагедия. А тот сюжет так и лежал невостребованным до сегодняшнего дня. И мне было бесконечно жаль, что он, скорее всего, уйдет вместе с живой памятью о войне, которая слабеет год от года просто потому, что переживших войну людей с каждым годом неумолимо становится все меньше. Но когда я вспоминаю Любовь Дмитриевну Шаталову, я не перестаю удивляться даже не ее героизму, а тому, что героизм этот не превосходит естественной скромности, когда даже и неловко ей говорить о нем... Понимаете? Воистину высока и чиста ее душа, невероятно, по-платоновски как-то чиста.

Иногда я спрашиваю себя: о чем плачут герои, встречаясь 9 мая, и о чем они сквозь слезы смеются? Да, поколение, выигравшее войну, было воистину необыкновенно. И на мета-уровне духа оно оставило нам такие примеры героизма и самопожертвования, которых потом уже не было и даже не могло быть по многим причинам. Невероятные это бывали люди. Так что я думаю, что 9 мая герои плачут потому, что находят, наконец, последних собратьев по духу, тех, кто действительно понимает, о чем надо плакать, а о чем — смеяться... Жаль только, что таких людей, как Люба Шаталова, земля нашей родины больше почти не родит, — и это горше всего осознавать, это в эпицентре того невероятного и даже неловкого пафоса, которым мы обставили ее — их, всего поколения войны, — победу. Среди нашего пафоса их победы. Не наоборот.

ГЛАЗАМИ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Лиана Алавердова

Типично по-американски

Хоть и пестра современная Америка, но и в этой мешанине культур и языков есть устоявшиеся и легко узнаваемые привычки и черты. Когда мы говорим: «Это типично по-американски», то имеем в виду все что угодно, от безобидных привычек до устойчивых черт национального характера, от доминирующих убеждений до вкусовых пристрастий.

Когда-то существовал миф, что американский и русский национальные характеры схожи. Миф этот культивировался самими американцами. Помните Саманту Смит, написавшую письмо Андропову в разгар «холодной войны»? В своей книге «Путешествие в Советский Союз» милая девочка сформулировала это так: «Они такие же, как мы». Проведя более двадцати лет в США, я уверена, что это прекраснодушное видение и тогда, и теперь далеко от действительности. То, что все люди мира имеют сходные физиологические и психологические черты, еще не основание для отождествления неблизких культур.

Я не претендую на всеохватность, а пишу лишь о своем взгляде на *абстрактного* американца, которого так же невозможно встретить на своем пути, как среднестатистического русского. Впрочем... невозможное все же однажды удалось. В 2005 году на основании статистических данных и собственных теоретических выкладок Кевин О'Киф, автор книги «Средний американец. Удивительный поиск самого обычного гражданина страны» (Kevin O'Keefe, «The Average American. The Extraordinary Search for the Nation's Most Ordinary Citizen»), сумел-таки найти «среднего американца» во плоти... неподалеку от своего родного города в штате Коннектикут. У «найденыша» присутствовали все 140 показателей, которыми, по мнению автора, должен обладать «средний американец». Уже тот факт, что в многомиллионной Америке нашелся лишь один субъект, отвечающий требованиям строгой статистики, говорит о том, что подобный подход является скорее забавным исключением в мире реальных индивидов. Не сомневаюсь, что при желании можно было бы сыскать подобный

Лиана Алавердова родилась в Баку, закончила исторический факультет АзГУ. Работала в Институте философии и права Академии наук Азербайджана. С 1993 года живет в США, работает в Бруклинской публичной библиотеке. Является автором поэтических сборников, эссе, статей, переводов с английского и азербайджанского языков, которые неоднократно публиковались в журналах, газетах и альманахах в Азербайджане, России и Соединенных Штатах.

«показательный» экземпляр в любой стране мира. Однако, возвращаясь к реальности, замечу, что более продуктивным является не конструирование «выставочного представителя» того или иного общества, а выделение черт, которые бросаются в глаза иммигрантам и по сути являются типичными для культуры народа.

Начнем с рождения ребенка. Если не считать незапланированных младенцев, которые появляются у неразумных тинейджеров, все большее число американок решается на материнство, предварительно отучившись и став на ноги в финансовом смысле. Чем дольше оттягивается процесс приумножения семьи, тем с большей помпой обставляется ожидание долгожданного чада. В Америке популярен обычай baby shower, что в неуклюжем переводе означает «лялечный душ», когда подруги, родственники, коллеги и другие приглашаемые в дом лица осыпают беременную подарками для будущего младенца. У нас такой ритуал представить себе трудно из-за суеверия: боялись ведь даже заранее сообщать о беременности, не то чтобы закупать детские вещи и принимать подарки «впрок». Здесь же не успевает женщина забеременеть — сей радостный факт становится достоянием широкой общественности, а теперь, при существовании социальных сетей, аудитория может быть расширена до сотен знакомых и малознакомых людей.

У нас не принято устраивать всякие торжества и сразу после рождения ребенка, когда он еще не вполне окреп. Новорожденный и его мать в этот период жизни считаются наиболее уязвимыми, их здоровье тщательно оберегают, что не предполагает большого количества контактов с посторонними. В Америке при родах присутствуют, как правило, муж и мать, а то и другие родственники, и поглазеть на младенца пускают всех желающих, как будто не ведая о микробах. Американцы трубят во все трубы и звонят во все колокола, оповещая о радостном событии, не думая о «сглазах» и отметая страхи. Тут и надписи на машинах «Baby on board» («Младенец на борту»), и надувные шарики соответствующих полу ребенка цветов, развевающиеся на крыльце, и плакаты «It's a boy!», «It's a girl!»

Говорят, что ребенка надо воспитывать, когда он лежит поперек кровати. Когда он укладывается вдоль, уже поздно. Американцы воспитывают чувство собственного достоинства у своих детей едва ли не с колыбели. Американская мамаша предлагает своему младенцу право выбора в развлечениях, одежде, да в чем угодно, тогда как наша считает, что сама лучше знает, что надо ее ребенку. Моя дочь наблюдала сценку. В магазине игрушек два отца с малышами: наш эмигрант и американец. Эмигрант приказывает: «Завяжи шнурки!» Американец вопрошает своего малыша: «Милый, что бы ты хотел посмотреть?»

Большинство американских детей сызмальства воспитывается на идее приятия любых религий, национальностей, оттенков кожи и сексуальных ориентаций. Акцент, неправильные ударения, речевые ошибки, которых так стесняются эмигранты, для США настолько привычное дело, что раздражают они только наиболее «нервных» старожилов.

Учительница русского языка в американской частной школе попросила ученицу прочесть вслух какой-то текст. Девочка отказалась. Учительница назвала ее бесстыжей. Абсолютно непредставимо в устах американского педагога. Начать с того, что здесь в школах не заставляют читать вслух или отвечать

урок перед классом (особенно тех учеников, у кого есть дефект речи, или тех, кто слишком сильно волнуется и не может справиться со своим волнением). Вызывают с места только тех, кто не имеет подобных комплексов, и то далеко не все учителя. Здесь не сообщают оценок во всеуслышание, и родители на родительском собрании сидят перед педагогом индивидуально, а не группой.

Кстати, когда-то я присутствовала на лекции, которую Евгений Евтушенко читал перед русскими студентами в Квинс-колледже. Два его поступка шли в разрез с этикетом, принятым в американских учебных заведениях: то, что он предложил студентам по очереди читать стихи вслух по книге, и то, что попросил студента сходить за чаем.

Но вернемся к учительнице русского языка. Вторая ее ошибка, с точки зрения американского воспитания: она приписала девочке качество, которое, кстати, никак не соответствовало ее проступку. У нас не редкость сказать ребенку: «плохая девочка», «плохой мальчик», даже «дурак». Американские родители (само собой разумеется, я имею в виду тех родителей, которые еще могут служить примером для подражания, а не «пещерных» жителей) обсуждают поведение, а не моральные качества ребенка. Американская поговорка гласит «Labeling is disabling», то есть навешивание ярлыка калечит, оно равнозначно постепенному превращению ребенка в морального инвалида, в неполноценное существо. Если вы по какому бы то ни было поводу внушаете ребенку, что он плохой, вы наносите удар по его достоинству, он может перестать чувствовать свою ценность и уважать себя. Он станет только хуже. О телесных наказаниях я вообще не говорю, это противозаконно в Америке, и родителей просто привлекут к ответственности, если о факте порки станет известно. Название книги Игоря Кона «Бить или не бить?» звучало бы абсурдно для американцев. Вопрос давно снят.

Американцы тоже сердятся на своих детей, но популярный подход заключается в том, что за свои промахи и ошибки наказывать себя должны сами дети. Типичный американец дает ребенку time out, чтобы он посидел и подумал о своем поведении, или отсылает его в свою комнату, лишая привычных развлечений. Когда сердятся на ребенка, зачастую называют его полным именем: «Мэри Анн Смит, ступай в свою комнату и никаких видеоигр на сегодня!» Или называют дочь «young lady», показывая тем самым крайнюю степень неудовольствия. Если же вина за какой-то инцидент лежит на взрослом, то ему следует признать свою вину. Бесчестность и обман считаются тяжким грехом, и многие родители уверены, что шпаргалки и подсказки на экзаменах — не безобидные шалости, а проступок, заслуживающий серьезного наказания.

Американцы обычно выдают детям allowance, что-то вроде пенсиона, определенную сумму в неделю, чтобы они умели распоряжаться деньгами и разумно их тратить. Три слова родители внедряют в сознание своих отпрысков с младенческих лет: «спасибо», «пожалуйста», «извините». Их усилия большей частью не пропадают втуне. Образованные и необразованные, черные и белые, американцы автоматически, легко и не задумываясь, произносят эти слова. Приветливость и благожелательность при встрече, пресловутая «американская улыбка» — результат того же воспитания.

Начнем со слова «спасибо». Вероятно, многие, когда смотрят церемонию награждения «Оскара», удивляются, с каким энтузиазмом американские кинозвезды благодарят все свое окружение за собственные успехи. Родители, жены

и дети, коллеги по работе — все получают свою долю благодарностей. Искренно это или нет — дело совести кинозвезд, но выглядит такая признательность благородно и трогательно. Так же почти любая книга не обходится без списка тех, кто сподвиг автора на его труд и помог ему. Американцы не оставляют без внимания никакую услугу, никакой знак внимания, каким бы мелким он ни казался. После визита в гости — телефонный звонок или открытка с благодарностью хозяйке, по правилам, обязательны. Дверь тебе открыли или попридержали перед тобой — «спасибо» следует автоматически.

Но вот приходит время, и милый ребенок превращается в подростка, тинейджера. Когда-то я, по совету подруги, не без пользы прочла популярную книгу «Reviving Ophelia: Saving the Selves of Adolescent Girls» («Возрождающаяся Офелия: как сберечь свое «я» у взрослеющих девочек») — о том, что происходит с девочками-подростками под влиянием американской массовой культуры. Никакие книги, однако, не в состоянии помочь, когда ваши дети внезапно, но неизбежно входят в штормовую зону — подростковый период. Тинейджеры — это родительское наказание, причем в этом случае почти нет разницы между недавними эмигрантами и коренными жителями страны. Грипп не делает различий между национальностями и расами, и тинейджерство, подобно тайфуну, проносится по прежде мирной жизни, чтобы вы еще больше ценили прекрасное прошлое, когда дети были маленькими и вы что-то значили в их глазах. Американские подростки полагают себя свободными людьми, игнорируя общепринятые модели поведения и культуру «взрослых», пока их не принудят обращать внимание на расхождение с нормами этикета. Подростки считают, что имеют право на неограниченную свободу. Им неведома поговорка «Знай край, да не падай», и они агрессивно реагируют на рамки, в которые их пытаются загнать. Американское общество весьма толерантно к свободе самовыражения и чудачествам поведения. Один из дельных советов, который я слышала, звучит очень по-американски: дать детям самим пожать то, что они посеяли, то есть прочувствовать последствия своего неправильного поведения. Но как же трудно следовать этому совету, когда мы только и желаем подстилать ковровые дорожки, чтобы детки наши не набили синяки и шишки!

Как они справляют праздники. Только в русских ресторанах дозволяется приносить выпивку с собой, и только наши люди приносят конвертики с деньгами в ресторан вместо подарка юбиляру. Американцы отмечают свои дни рождения по-другому. Если они идут в ресторан, они принимают в расчет то, насколько там хорошее обслуживание. Если американцы приобретают крупные вещи, то непременно проводят тщательное «расследование» по интернету, используя результаты опросов потребителей, чтобы покупать со знанием дела именно то, что действительно необходимо.

Принимая гостей у себя дома, американцы часто устраивают фуршет, без сидения за столом, без тостов, песен и танцев. Или идут в бар и платят за именинника и за себя. И не всегда дарят подарки. А если дарят, то уж не то, что полезно и нужно, а то, что индивидуально, редко и без чего вполне можно обойтись. Дарят вещи, имеющие символическое значение, отнюдь не шикарные в обыденном понимании. Подарки могут быть дорогими, но не «гламурными». Браслет в знак дружбы, например, не драгоценный, а простой. Когда я успешно сдала экзамен на гражданство, моя приятельница американка подарила мне

жестяной патриотический флажок. Другая подруга американка подарила мне на день рождения майку с изображением Анны Ахматовой. Типичные американцы стараются делать «персонализированные» подарки. Они исходят из того, что у человека все необходимое для жизни есть, а подарить ему надо нечто специфическое (майку или кружку с любимым литературным персонажем), кухонную утварь с именными монограммами, дощечки с банальными либо смешными цитатами, подушки и коврики, воспевающие радости домашнего очага, безделушки, привезенные из путешествия, либо, повышая уровень утилитарности, билет на концерт или кружку пива в баре. Им и в голову не придет принести на день рождения деньги в конверте.

Или они устраивают сюрприз имениннику. Когда он приходит домой, усталый после работы, и включает свет, на него с воплем «Surprise!» набрасывается группа взбудораженных родственников и друзей. Насчет подарков существует обязательное правило: или развернуть их в присутствии дарителя и поблагодарить, или, если вы получили подарок по почте либо через третье лицо, отметиться в письменной форме, желательно открыткой или письмом, написанными от руки. Конечно, это страшно старомодно, но куда предпочтительнее, чем отписка электронной почтой. И уж вовсе неправильно смолчать, оставив в недоумении пославшего вам подарок человека: получили ли вы его и понравился ли он вам? Кстати, желательно отвечать благодарственной открыткой и на приглашение, скажем, на обед. Прекрасный обычай, но соблюдается он лишь теми, кто прошел соответствующую школу воспитания.

Вообще американцы относятся к празднованиям своих дат гораздо спокойнее, чем наши, и частенько вообще их не отмечают, а отправляются в путешествие. Американцы любят необычно, «тематически» справлять свадьбы, дни рождения и другие торжества. Свадьба у сына моей коллеги пришлась на хэллоуин, 31 октября — можете себе представить костюмы гостей и страшилки! Может все быть стилизовано под детский лагерь, куда невеста ходила ребенком. На одной такой свадьбе гости играли в детские игры, а прием проходил в кафе, напоминавшем кафе ее детства. Подруга моей дочери справляла шестнадцатилетие, так называемое торжество Sweet Sixteen, «на тему» Little Mermaid, Русалочки. Всем гостям подарили ракушки на память. Платье было в русалочьем стиле, декорации на столах — рыбы, морские коньки, ее лучшие подруги были одеты в соответствующие костюмы. В конце любого знаменательного торжества гостям обычно раздают party favors, сувениры на память.

Американская улыбка. Один из отличительных признаков американца — белозубая и широкая «американская улыбка». Принято улыбаться во время интервью при приеме на работу, начальству и коллегам, соседям и просто случайным знакомым, с которыми встретишься взглядом. Многих иностранцев американские улыбки раздражают. Они им представляются неискренними, искусственными. Михаил Жванецкий писал, что американцы улыбаются, как будто лампочка включилась в электросеть. Очень многие выходцы из Союза, в том числе иммигранты «со стажем», не видят смысла в том, чтобы постоянно улыбаться, тем более незнакомым людям.

Выпускник Гарвардского университета Франсис Тэйпон (Francis Tapon) оставил мир бизнеса, чтобы исполнить свою мечту: посетить все страны мира и написать о своих впечатлениях. Сейчас он путешествует по Африке и в своих

заметках возражает угрюмым оппонентам: «Я предпочту ежедневную фальшивую улыбку хмурому лицу». Европейцы говорили нашему путешественнику: пусть мы холодны вначале, но потом, когда потеплеем, можем стать друзьями на всю жизнь. Представьте себе, американцы тоже имеют друзей на всю жизнь.

Американская улыбка не так фальшива, как представляется. Многие американцы настроены позитивно и склонны полагать, что незнакомец, встреченный ими, хороший человек и не причинит им зла. Улыбка при встрече взглядами — культурная норма, сигнал доброй воли, означающий, что вы благожелательно настроены, не причините зла и верите, что незнакомец тоже настроен благожелательно. Распространенность улыбки возрастает по мере удаления от больших городов. Нью-Йорк, например, считается более «холодным» городом. То ли потому, что в нем много иммигрантов, то ли потому, что он просто чересчур огромен, но тут улыбку не встретишь так же часто, как в американской «глубинке».

Средний американец. Раз уж мы заговорили о таких стереотипах, как американская улыбка, не могу не коснуться вопроса о «среднем американце». Что такое «средний американец» и существует ли он в реальности? Или это ходячий стереотип с набором характеристик: улыбчивый, но страшно деловой господин, с энтузиазмом берущийся за разрешение как своих личных вопросов в районе собственного огорода, так и мировых проблем? В США средний американец воспринимается как принципиально важное понятие, с которым надо считаться. Демократы и республиканцы во время избирательных кампаний апеллируют именно к среднестатистическому американцу. Под среднего американца выстраивают свои рекламные призывы американские корпорации, его интересы учитывают или, напротив, игнорируют местные телевидение и радио. Его называют «средний Джо» или «средняя Джейн», в зависимости от пола.

Казалось бы, задача вычислить и понять, что из себя представляет этот среднестатистический американец, как минимум довольно трудна, если вообще принципиально разрешима. Далеко не всегда можно провести статистический анализ, так как перепись населения не включает в себя все необходимые характеристики. Зато существуют опросы общественного мнения и данные многочисленных исследований. В конце концов, средний американец — это не только результат вычислений, скажем, среднего дохода на душу населения, но и статистически наиболее вероятный типаж, наделенный тем, что характерно для большинства американцев, будь то привычки, вкусовые предпочтения, интересы, хобби и множество других показателей. Такие исследования проводятся в США регулярно с целью изучения структуры производства и рынков сбыта различных товаров и услуг. В результате вместо карикатуры, какие любят рисовать за пределами США, проявляется картина, претендующая на объективность.

Вот некоторые характеристики. Большинство американцев женятся хотя бы раз в жизни, и первый их брак чаще всего заканчивается разводом. Средний возраст вступающих в брак для мужчин 26.8, а для женщин — 25.1 лет. Разведенные чаще всего вступают в брак вторично. Средний работающий американец зарабатывает около 24.5 долларов в час (данные Bureau of Labor Statistics). 67% американцев — домовладельцы, проживающие в домах не более чем с тремя спальнями. Основная часть американцев принадлежит к среднему

классу, во всяком случае, считает, что к нему принадлежит, даже если доход не дотягивает до среднего. Кстати, 55% американцев думают, что они умнее, чем «средний американец». Среднему американцу сегодня 37 лет. Курят только 22% американцев. Самая распространенная для этой категории американцев религия — христианство.

Сами коренные американцы зачастую понятия не имеют, кто мог бы быть олицетворением большинства их соотечественников. Есть исключения, конечно. К ним принадлежит уже упомянутый Кевин О'Киф. Он путешествовал по всей стране, встречался с людьми, пытаясь выяснить, каковы наиболее существенные черты облика искомого героя, и в общей сложности принял во внимание 140 показателей.

Где живет большинство американцев? В городах? А вот и не угадали. Большинство американцев живет в пригородах, правда, в урбанизированных пригородах.

Перечислю еще несколько характеристик среднего американца, учтенных О'Кифом. Он должен закончить среднюю школу, проживать в одном и том же доме не менее пяти лет и в том же штате, где родился. Он должен работать, быть американским гражданином, верить в то, что семья очень важна, быть женатым и иметь как минимум одного ребенка. Так как ни одна национальность в США не составляет большинства, критерий национальности не важен. Большинство «средних американцев» живут в домах, принадлежащих одному из членов семьи, семья составляет в среднем не более четырех человек. Дом для большинства — самое крупное капиталовложение в жизни. Дом «среднего Джо» будет стоить от 100 000 долларов до 300 000 долларов. Вокруг дома — от одного до двух акров земли и обязательно лужайка. Находиться этот дом будет не дальше трех миль от ближайшей закусочной McDonald's и в двадцати минутах езды от магазина Walmart. «Средний Джо» водит автомобиль и всегда пристегивает ремень безопасности. Дома у него есть какое-нибудь домашнее животное, причем не обязательно кошка или собака. Ложится спать он до полуночи. «Средний Джо» поддерживает право на аборт, но против абортов в своей семье. Считает себя счастливым и уверен, что счастья на деньги не купишь.

Он умеет стрелять из ружья, поддерживает право носить оружие при условии, что владельцы оружия зарегистрированы. Играет в лотерею хотя бы раз в году. В его семье по крайней мере у одного человека есть хобби. Он ежегодно жертвует на благотворительность и работает как волонтер. Бо́льшую часть дня проводит в помещении, хотя не менее одного раза в неделю дает себе какую-нибудь физическую нагрузку. Весит от 135 до 205 фунтов (то есть от 61 до 92 кг). Пьет кофе и содовую, ест арахисовое масло, никогда не употреблял наркотиков. Хоть раз в жизни он делился своими проблемами с психологом. Поддерживает американскую армию, хотя считает войны во Вьетнаме и Ираке ошибкой. Носит очки, имеет дома стереопроигрыватель, цветной телевизор с видеопроигрывателем, посудомоечную машину и стиральную машину с сушилкой. Не курит, пьет иногда, нерегулярно. Список можно было бы и продолжить, но не многовато ли статистики?

Средний американец, однако, всего лишь пустая оболочка, где такие характеристики, как доход, возраст, мобильность, привычки и многие другие показатели, хотя и представляют интерес, но далеко не исчерпывают содержа-

ния, скрывающегося за скорлупой ореха, вернее, под черепной коробкой среднего американца. Чем живет он, каковы его взгляды на жизнь, моральные ценности?

Базовые ценности. Социолог Робин Мэрфи Уильямс предложил ряд базовых ценностей, которые, по его мнению, укоренены в национальной психике и разделяются большинством американцев. Что представляют из себя эти ценности? Изложу в произвольном порядке.

В первую очередь американцы ценят достижения и успех, причем успех заслуженный, обретенный не любой ценой, не окольными путями, через знакомства, связи, наследуемое богатство, а как результат собственной упорной деятельности. Не любят нытиков, тех, кто сваливает неудачи на внешние обстоятельства и предпочитает надеяться на случай. Умный человек, не стремящийся к успеху, для американцев почти оксюморон. Другое дело, что они разносят понятия известности и успеха. В 1998 году опросы Louis Harris выясняли у американцев, хотят ли они быть знаменитыми, прославиться (славу определяли как «быть популярным, широко известным и признанным за достижения, деятельность, способности, экспертизу и мнения»), и 69% сказали «нет». Представление, насаждаемое массовой культурой, будто все в Америке одержимы желанием прославиться, не соответствуют действительности. В 2002 году тинейджеров попросили назвать своих кумиров, и, согласно опросу Гэллопа, только 25% выбрали артистов, известных людей или спортсменов.

Деятельность и труд, принцип «делу время, потехе час» до сих пор исповедуется многими. Американцы в массе своей трудятся истово и неутомимо. Workaholic (трудоголик) — широко распространенное явление в Америке. И если раньше основные тяготы работы ложились на плечи мужчин, то теперь, уже давно, американские женщины разделяют трудовое бремя в семье, а то и пашут в одиночку. Многие женщины не мыслят себе радости жизни без работы, ориентированы на успех и вкалывают так, что и времени на личную жизнь почти не остается. Выражение career woman я узнала только в Америке. Американцы работают больше (если исчислять часами в неделю), чем французы и немцы, но меньше, чем корейцы или сингапурцы (Business Insider, 2013), в среднем — 38 часов. К сожалению, американское правительство годами насаждает иждивенческую психологию, «борясь с бедностью», а в результате этой «борьбы» количество бедных не снижается, зато зависимость от государственной помощи становится все крепче.

Нерасторжимо связан с упомянутыми моральными ценностями и американский индивидуализм. Как уже было сказано, американцы традиционно ценят успех, являющийся следствием индивидуальных усилий и инициативы. Опора на самого себя, свой вкус и предпочтения — этим духом проникаются с детства. Родители, как правило, прислушиваются к предпочтениям детей, а не навязывают им свои взгляды. Но индивидуализм имеет и свою оборотную сторону — одиночество. Чувство одиночества вполне субъективно: можно остро ощущать одиночество и в кругу семьи. Одиночество усугубляется и зависимостью от электронных игрушек, gadgets, социальных сетей, которые, при всех их преимуществах, все же являются суррогатами живого общения. Как результат — страдают семейные ценности. В 2012 году 27% всех домашних хозяйств в США состояли из одного человека. В 2013 году неженатыми были 44.1 % жителей

США старше 18 лет. Родители и дети часто живут далеко друг от друга и видятся только по праздникам. Родители стараются не вмешиваться в жизнь детей, а дети яростно обороняют границы своей независимости.

Понятие privacy — одно из понятий, труднее всего усваиваемых нашими иммигрантами. Тем более, что оно тесно связано с представлениями о дружбе и близости, которые не вполне совпадают у разных этносов, включая русских и американцев. Насколько я понимаю, прямого перевода этого слова на русский не существует. «Уединение или уединенность»? Не совсем то... Более близко стоит по смыслу слово «невмешательство», но и оно неточно передает понятие, весьма существенное для американской культуры. Я бы перевела это слово как принцип невторжения в частную жизнь, право на принадлежащие исключительно их владельцу личное пространство и время, на которые никто не имеет права посягнуть! Очередь в аптеке или на почте не дышит друг другу в затылок, а позволяет каждому иметь возможность переговорить с работником так, чтобы его не слышали окружающие. Если один человек ненароком нарушает персональное пространство другого, проходя к выходу в автобусе или в любой толпе, извинение слетает с его уст автоматически. Если вы подойдете к кому-то слишком близко и при этом не извинитесь, на вас посмотрят осуждающе. И будут правы!

Нашим соотечественникам нелегко дается понимание того, что нельзя позвонить знакомым до 10 утра или после 9 вечера, потому что вы можете их потревожить. Американцы в этом случае не церемонятся и прямо говорят, если по той или иной причине им неудобно с вами разговаривать. Уважение к privacy для американцев превыше всего.

Один из коренных принципов privacy — не задавать лишних вопросов, не стараться проникнуть в чью-то частную жизнь, пусть даже с самыми лучшими намерениями. Например, беседую я со своим коллегой американцем. Он мне жалуется на здоровье: разорванный мениск в колене, врач не советует делать операцию. Я немедля делюсь семейным опытом: моему мужу сделали операцию одновременно на обоих коленях и (о ужас!) рекомендую моему коллеге последовать его примеру. Это явно превышает допустимый уровень участия с моей стороны, и я почти мгновенно понимаю, что сказала лишнее, но слово не воробей. Мой коллега мягко повторяет, что ему врач операцию делать не советует, и тут, по законам здешнего этикета, мне следует извиниться и заткнуться, что я и проделываю со смущением.

В публичной библиотеке, например, privacy неукоснительно соблюдается. После того как посетитель воспользуется компьютером, вся информация стирается, и никто не может получить к ней доступ. А после возврата книг читателем в компьютерной системе не будет сохранена информация о том, что он читал. В Бруклинской библиотеке, где я работаю, ввели новый каталог, который позволяет читателям сохранять в памяти своего персонального файла список прочитанных книг. Но это делается сугубо добровольно, и никто, кроме самого читателя, не будет иметь доступа к этой информации.

Открытость — только добровольная. Сказанное отнюдь не означает, что американцы совершенно закрыты для общения. Они открываются настолько, насколько хотят открыться, и форсировать этот процесс ни в коем случае нельзя.

Не рекомендуется выуживать личную информацию, забрасывать вопросами, что называется «лезть в душу». Как нигде здесь уместно следовать максиме «Не задавайте вопросов — не услышите лжи». Но ложь — не самое страшное. Вас сочтут nosy, sneaky, то есть сующим нос не в свои дела, пронырой. Составить столь нелестное мнение о себе — не слишком ли высокая цена за попытку удовлетворить любопытство?

С другой стороны, американцы не любят и слишком закрытых людей, тех, кто категорически не делится никакими сведениями ни о себе, ни о своей семье. Дело в тонком балансе, который соблюдать ох как трудно! По себе знаю: то лишнее скажу, то не скажу того, что надо. Как говорится, век живи — век учись... Интерес к ближнему поощряется, но проявлять его нужно в очень деликатной форме, а то ближний может отдалиться. Спросите, есть ли у кого-то дети — и нечаянно наступите на больную мозоль. Интересоваться семейным положением тоже может быть чревато: а что, если тот, кого вы спрашиваете, имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию? Открытость приветствуется, но только добровольная. И — обоюдная. Как говорится, не спрашиваете — не отвечаем!

В одной связке с индивидуализмом идет свобода. В первую очередь, конечно, свобода, связанная с правом на выбор, но не только. Имеются в виду и гражданские свободы, и свободы в основании собственного бизнеса. Хотя очень многое в стране делается в помощь малому бизнесу, бюрократические препоны создали в последнее время менее свободную атмосферу для бизнеса, чем ранее. В результате США не входят сейчас в десятку самых свободных для бизнеса стран (отдельное спасибо нынешнему президенту и его команде!). Зато туда вошли Гонконг, Сингапур, Австралия, Швейцария, Новая Зеландия, Канада, Чили, Мавритания, Ирландия и Дания. Это не касается свободы индивидуального выбора, будь то выбор одежды, еды, прически, стиля поведения или карьеры, обучения и т.д. В книге «Парадокс выбора» профессор социологии Барри Шварц писал: «Когда у людей нет выбора, жизнь почти невыносима. С ростом возможностей выбора, как это существует в нашей культуре потребления, автономия, контроль и освобождение, приносящие это разнообразие, являются мощными и позитивными. Но с возрастанием вариантов выбора негативные стороны усиливаются до такой степени, что мы становимся перегружены ими. В этот момент выбор уже не освобождает, а ослабляет». (Перевод мой. — *Л.А.*).

Практичность. Очень важны для американцев эффективность и производительность, практичность. Это народ, который не терпит долгих проволочек и любит работать быстро, применяя инновационные решения, преобразуя идеи в практические дела. Ноу-хау американского бизнеса — важнейшие наработки, которые неотделимы от американской культуры. Когда я закончила учиться на степень магистра в библиотечном деле, то приняла участие в церемонии окончания колледжа. К тому времени я только три года прожила в Америке, и меня, помнится, поразила четкая организация этой церемонии. Толпы выпускников, их родственников и друзей, и при всем при том — никакой давки, неразберихи, все продумано, как оркестровая партитура. Тщательная подготовка любого мероприятия и начинания — норма, а не исключение в Америке. Плохо ли, хорошо ли, но даже такая, казалось бы, по природе консервативная

организация, как библиотека, и та постоянно что-то меняет, внедряет новые модели обслуживания, новые технологии. То вводится система автоматического приема книг, то к этому прибавляется и сдача книг с помощью автоматов. Еще недавно мы выдавали читателям только книги и диски, потом — электронные книги, а теперь уже выдаем на дом пластины Google Nexus, и читатели пользуются в библиотеке переносными ноутбуками.

Америка, безусловно, поклоняется научно-техническому прогрессу, а это, в свою очередь, сопровождается все возрастающим уровнем экологического сознания. Как ни крути, Америка — локомотив прогресса. Продвижение вперед по тернистой дороге прогресса ускоряется заинтересованностью частных бизнесов в получении прибыли. Побочный продукт этой корыстной деятельности — все более широко удовлетворяемые потребности всех, стремящихся к материальному комфорту. Мы жили в стране под лозунгом «Все во имя человека, для блага человека!», когда в реальности советский прогресс подразумевал принесение в жертву интересов людей интересам государства. Приехав в Америку, мы обнаружили, что не существует практически никаких бытовых удобств, которые не были бы уже придуманы и внедрены здесь.

Важнейший элемент американского сознания — равенство. Идея равенства лежит в основе американского общества с самого его зарождения. Свобода вероисповедания с годами трактовалась все более расширительно, и теперь я часто встречаю в родном Бруклине мусульманок в паранджах, из которых проглядывают только щелочки глаз. Расовое равенство, за которое пришлось побороться, в нынешние времена разыгрывается как игральная карта демагогами всех мастей. Они ухватываются за любой случай, когда белый убивает черного (когда происходит наоборот, это не так интересно, так же, как и политически невыгодно обращать внимание на те примеры, когда чернокожие убивают своих же собратьев, что в 90% случаев и происходит). Вряд ли кто-нибудь станет возражать против идеи равенства возможностей. Однако когда пытаются распространить эту идею на сферу экономики, это чревато последствиями. Осуществи уравниловку — и Америка сползет к уровню стран третьего мира. Но не будем о грустном.

В бытовом плане американцы весьма просты и часто относятся к окружающим без всякого чувства превосходства. Во всяком случае, признак хорошего тона — вести себя в обществе именно так. Буквально с первых минут знакомства они предлагают обращаться к ним по имени и проявляют прочие признаки простоты в общении.

Если в 1960-х годах социолог Р.Уилльям писал о расизме как укорененной в национальной психике идее (язык не поворачивается назвать ее словом «ценность»), то сегодняшняя Америка разительно изменилась. Согласно опросу Гэллопа, в 1948 году только 4% американцев одобряли браки между белыми и черными. В 2002 году — 65%, в 2003 году — 72%. На смену узаконенному расизму за какие-то 50 лет пришли мультикультурализм и толерантность. Религиозная терпимость, которая всегда была присуща Новому Свету, распространилась на все расы и культуры, включила и людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Причем мультикультурализм и терпимость к разным стилям жизни насаждается американской культурной и политической элитой,

государственными структурами, это идея, идущая не столько снизу, сколько сверху. Под ее влиянием меняется лицо Америки, общественное сознание. Многие штаты узаконили браки между гомосексуалистами. Что станет следующим шагом? Узаконенная полигамия? Не буду загадывать...

Еще одна идея, которую не выкорчевать из массового сознания (да и не надо!) — **идея демократии.** Не случайно Джорджу Бушу так понравилась книга Натана Щаранского «В защиту демократии». Буш по наивности полагал, что демократически измененный Ближний Восток — это благо для мира и для Америки. В реальности демократическим путем в Египте, например, пришла к власти религиозно-политическая ассоциация «Братья-мусульмане», и потребовалось вмешательство военных, чтобы положить конец этой власти. В Ираке демократически избранный шиитский руководитель прибрал к рукам все органы власти и вытеснил суннитов в оппозицию. В результате мы имеем совершенно отмороженных фанатиков ИГИЛа, рядом с которыми померкла угроза Аль-Каиды.

Важнейшей составляющей американского «коллективного сознательного» (если позволите подобное выражение в противовес юнговскому «коллективному бессознательному») является гуманизм. Слишком высокое слово в применении к практичным, деловым, одержимым желанием заработать и преуспеть янки? Настаиваю, что гуманизм не на словах, а на деле — одна из коренных, основополагающих характеристик американского морального сознания. В 2003 году, согласно опросам Гэллопа, 82% американцев пожертвовали деньги религиозным и другим благотворительным организациям, а 59% работали там волонтерами. По данным журнала «Philantropy», пожертвования среднего американца более чем в семь раз превышают пожертвования среднего немца. Думаете, прижимистые и бережливые немцы, что с ними сравнивать? Но по данным за 1995 год, средний американец пожертвовал в три с половиной раза больше, чем француз, и в четырнадцать раз больше, чем итальянец. Дело не только в богатстве страны. Американцы гораздо чаще, чем жители других развитых стран, жертвуют не только деньги, но и время, помогая общественным организациям, школам, религиозным учреждениям. Вопреки мнению, что миллиардеры и корпорации могут себе позволить жертвовать деньги и жертвуют их больше остальных, на самом деле большинство пожертвований приходит от частных лиц, почти в три раза больше, чем от корпораций, фондов и других учреждений.

В 2004 году Гэллоп спросил тинейджеров, какова их цель в жизни. Превалировали ответы: «внести изменения в жизнь и помочь людям» или «быть хорошим христианином». Таких ответов было в 12 раз (!) больше, чем «быть успешным или знаменитым». В 1998 году старшеклассники школы Wareham, Massachusetts, открыли Зал Славы Обычных Героев. В него вошли, например, пенсионер, бывший уборщик Дин Пина, отдавший свое место в очереди по пересадке сердца шестнадцатилетней девочке, и некто Кевин Донахью, который переселился к своей прежней жене и стал заботиться о ней после того, как у нее был диагностирован рак. Дело не в том, что в Америке есть добрые люди. Они есть везде, во всем мире. Дело в том, что идеал добрых дел здесь культивируется, пропагандируется, прививается с детства в семье. Моя подруга Мэри Лу, католичка, приучала дочерей помогать бедным и участвовать в разного рода благотворительных акциях. Совсем еще детьми они помогали в бесплатной

столовой для бедных. И такое поведение воспринимается как норма, а не как подвиг. Американцы в целом отзывчивы и великодушны. Правда, многие убеждены, что для того, чтобы по-настоящему помочь человеку, надо не рыбу наловить для него, а дать ему в руки удочку, чтобы он сам мог ее наловить.

Да, американское законодательство поощряет благотворительность, и те, кто жертвуют деньги, получают налоговые послабления. Многие корпорации и компании используют это преимущество. Однако треть налогоплательщиков не указывают в своей налоговой декларации сведений о пожертвованиях. В докладе влиятельной американской консервативной организации American Enterprise Institute сказано, что практически ни для кого налоговые послабления не являются главным стимулом для пожертвований.

Уровень религиозности влияет на уровень благотворительности. По данным того же института, религиозные люди жертвуют в четыре раза больше денег и в два раза больше личного времени на волонтерство, чем нерелигиозные. Вопреки расхожему мнению, религиозные люди жертвуют больше нерелигиозных не только на свои церкви и синагоги (что естественно), но и на другие общественные и индивидуальные нужды. В 2000 г. консервативные семьи пожертвовали на 30% больше либеральных, хотя либеральные имели на 6% больше дохода. Либералы будут сокрушаться, что правительство выделяет недостаточно денег на пособия, но деньги бездомному скорее пожертвуют не они, а консерваторы. Что ж, вера в большое доброе правительство — не только социализма наследие, но и удел тех, кто не прошел этого урока истории...

Fair Play. Ко всем перечисленным ценностям я бы добавила веру в честность, в правила, в то, что здесь называют fair play (честной игрой). Громкие политические скандалы и распущенность голливудских звезд не должны затмевать того факта, что большинству людей глубоко отвратительны неприглядные выходки знаменитостей, и на бытовом уровне честность ценится высоко. Кто соврет при приеме на работу, тот крепко рискует, если неожиданная проверка выведет обман на чистую воду. Вылетит с работы вмиг! Шпаргалка или списывание — скандал на всю школу. Американцы верят в эффективность открытых каналов коммуникации между людьми. Если их что-то не устраивает в поведении человека, предпочитают сказать ему об этом открыто, а не копить раздражение. Например, если кому-то не понравится анекдот с расистским душком, то вполне вероятно, что он об этом либо скажет шутнику, либо даже заявит по инстанциям.

Бытовые привычки. Вначале немного о еде. Образованные американцы более озабочены тем, насколько здоровую пищу они едят. Типично по-американски включить в обед белковое, углеводное и овощное блюдо. Нарезают огурцы в салат кружочками, а салат подают в огромной лохани, берут двумя специальными большими вилками или ложками, чтобы можно было его перемешивать, подбрасывая. И жаря яичницу, ее подбрасывают, чтобы перевернуть. Чеснок нарезают огромным ножом, очень быстро. Почти никогда не едят супов. А если едят, то это для них особая трапеза. Не принят обед из трех-четырех блюд. На одной тарелке могут лежать одновременно салат, рыба, картошка. Типичным для американцев считается сначала все нарезать на тарелке, а потом уже есть. Только американцам приходит в голову намазывать

на ломтики яблока, груши, сельдерея... арахисовое масло. Только они делают треугольные бутерброды, а дети запивают обед молоком. Иммигранты даже не подумают, что можно заправлять яичницу кетчупом или острым соусом, а также есть стейк с кетчупом. Очень характерно для американцев поглощать сосиски с пивом на спортивных матчах, жевать попкорн в кино, таскать с собой всюду бутылочки с водой. Спиртное пьют в основном русские, ирландцы и итальянцы, американцы в винах не слишком разбираются. Когда мы были у друзей в штате Миссисипи, то на обеде, где собралась родня, не было ни одной бутылки спиртного, даже пива. Мужчины там если и пьют, то очень немного, в мужской компании, на рыбалке и/или охоте, а на алкоголь в обществе американцы-протестанты взирают неодобрительно.

Американцы легко выбрасывают еду и ненужные вещи.

Несколько слов об одежде. Приехав сюда, я поразилась равнодушному отношению многих к тому, что на них надето. Помню, как я была удивлена, когда увидела молодую женщину в длинной юбке и кроссовках, для меня это было настолько же стилистически несовместимо, насколько носительнице сей экипировки было наплевать на внешнее впечатление от ее облика. Таков подход к одежде многих американцев, за исключением тех, кто работает и вынужден одеваться в соответствии с dress-code, или тех, кто неравнодушен к собственной внешности, есть и такие. Многие американки почти не прибегают к косметике. Могут весь день провести в постели, если устали. Чаще всего они не переодеваются, когда приходят домой с работы. Душ принимают утром, перед работой, а не вечером. Пользуются дезодорантами. Смертный грех — телесный запах или запах изо рта. Равно неприлично ходить с металлом или зияющими дырами во рту.

Можно перечислить еще мелочи, вроде того, что американцы зажимают нос, когда ныряют, или считают, не загибая, а разгибая пальцы, но пора остановиться. Облизывают пальцы во время еды — пренеприятная привычка. Для американца не редкость бухнуться в одежде и обуви на постель. Так что в их гигиенических навыках есть свои причуды. Американцы наивно полагаются на экспертов в любых вопросах, причем это свойственно частным лицам, компаниям и даже самим экспертам. За советом при решении любого вопроса следует обращаться к наставнику, будь то психотерапевт, финансовый консультант, автор популярной книги на тему успеха и преуспеяния, организатор свадебных торжеств и пр. Однажды посетительница библиотеки попросила меня найти книгу по... завязыванию шнурков, а другая — на тему, как приучить детей отказаться от памперсов в пользу горшка.

Вот и судите сами: похожи мы на них или нет?

Продолжаем жить?

Рубрику ведет Лев Аннинский

Из десяти прозаиков, представленных в литовском номере журнала «Иностранная литература»[1], я для сугубо личного отклика выбираю сначала двоих.

Выбираю по признаку, можно сказать, анкетному, то есть в этом случае достаточно странному: они — мои ровесники.

Юдита Вайчунайте моложе меня на три года. Ромуальдас Гранаускас — на пять лет. Война покрестила нас всех, покалечив детство, вывернув отрочество, выстроив юность. Хотя увидели мы события сквозь дымовую завесу с разных «фронтов»: Юдита, шестилетняя, из жилого квартала Каунаса, Римас — чуть помоложе — из пространства «земли и пахоты», окруженных лесом. Я — из-за Урала, из эвакуации, прикованный к радиорепродуктору сводками, которые читал Левитан.

Литература свела нас вместе уже в зрелости. Гранаускаса я узнал по рассказам в московских журналах. Вайчунайте — по стихам (в «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Литературной России»). Прозу ее не встречал, да она и успела-то едва начать свои мемуары — чуть перешла жизненным сроком через грань веков (и тысячелетий). Гранаускасу судьба дала больший срок: он оставил нас в 2014-м. Успев выиграть первый приз на Вильнюсской книжной ярмарке.

Читая их теперь, я возвращаюсь в свое детство. В страшное военное время. Семь десятков лет спустя оно ранит так, как я и представить себе не мог. Словно леденящий ветер непонятно откуда. Может, из преисподней.

Начну с Юдиты Вайчунайте. С героев детства из книги «Гостиница Мабре». С солнечного, яркого, жаркого колорита ее прозы, хорошо переданного в переводах Далии Эпштейн. Война где-то за горизонтом, оттуда, как из преисподней, веет бедой. А здесь — знакомая улица, горячий тротуар, мыльные пузырики, пускаемые по очереди, подружки, щебечущие рядом. И за зелеными деревьями — церковь.

«Мы увидели, что церковь открыта, и любопытства ради зашли туда. Внутри стоял открытый гробик, в бело-розовых кружевах лежал младенец, точно кукла, над ним стояла сестра милосердия в немецком мундире и еще какие-то немцы-офицеры...»

И прежде, чем девочка-повествовательница задает себе наивный вопрос: *«Почему в церкви немцы? Как такая маленькая девочка могла умереть?» — в моем* читательском сознании картина катастрофически переворачивается. Я вдруг осознаю, что подружки щебечут по-немецки. И врезаются в пейзаж еврейские дети из гетто, которых ведут не на прогулку, а на смерть. А потом и немецкие детишки — голодные, грязные, оборванные — появляются, чтобы исчезнуть навсегда. Что с ними сталось? Куда делось литовское солнечное утро и мыльные пузырики на горячем тротуаре?

[1] «Литва: рассеяние и собирание»: Специальный номер журнала «Иностранная литература» / Сост.: Рута Мелинскайте и Мария Чепайтите. 2015. № 3.

Странная мысль закрадывается в мое сознание: а если бы русские не пришли и немцы бы не ушли? Я подчеркиваю: эту мысль может выдержать только мое *теперешнее* сознание — через семьдесят пять лет после событий. А тогда, во мраке военного времени, такое предположение было немыслимо: оно означало наше поражение в войне и мою неотвратимую смерть — и мне (сыну коммуниста-казака и обрусевшей еврейки), и всем моим близким была назначена гибель. Но теперь я решаюсь спросить: а что, если бы в Литве остались немцы? Что было бы после того, как война, пройдясь огненным смерчем, закончилась бы? Несомненно, постепенно ушли бы из жизни оголтелые старики-нацисты (как ушло в СССР поколение неприступных особистов-разоблачителей). И добропорядочные немецкие интеллигенты понемногу вернули бы жизнь к человеческим, христианским, гуманным началам...

Только говорили бы все по-немецки, на замечательном языке Гёте, Гейне, Томаса Манна...

Но тут другая мысль властно опрокидывает мое сознание: а на какой чертовой рулетке дьявол Истории определил немцам и русским столкнуться в двух мировых войнах убийственного века, чудовищных по количеству жертв и беспрецедентных по взаимной ненависти? Какой Вседержитель Истории и когда объяснит эту жуть? Никогда?

И останется двадцатый век необъяснимым проклятьем в памяти человечества?

Необъяснимо подступают к героине из тьмы неопределенности «оккупанты», сменяющие одни других. Может, придут русские, и тогда слово «Сибирь» зазвучит лагерным погребальным звоном. Откуда? За что? Неведомо. Словно из далекой экзотической Венесуэлы надвинется в дымовой завесе гибель. А может, вот из этого, родного, непроницаемого литовского леса...

И все то же ощущение смутной завесы — в крутых, трезвых, темных от присутствия беды рассказах Гранаускаса.

Время действия чуть сдвинуто. Это уже не та война, когда литовцы, терпя немцев, гадали: придут русские или не придут. Пришли! А место действия все то же: усадьба и лес вокруг. Герои обитают, впрочем, не в конкретно-исторической ситуации, а в загадочном пространстве бытия, где совершаются «Жития святых» (название книги Гранаускаса), и героиня, именем Паулина, вполне достойна святости.

Почему?

Потому что живет, не вникая в интересы власти или в доводы борцов против власти, — а просто потому, что жизнь дана. Где там русские, где немцы, — не уточняется, а если уточняется, то так: русские пьют до дна и залпом, а немцы — по глоточку, растягивая удовольствие... Так что можно выбрать, кому подражать. Все остальное — как сквозь дымку, сквозь серое безмолвие, сквозь молчание преисподней.

Молодые ребята из знакомой литовской семьи просят извиниться, что ушли, ни с кем не простившись.

Куда ушли?

В лес.

В какой лес? Зачем ушли?

Мастерство Гранаускаса, наверное, в том и сказывается, что он ничего не объясняет. Люди действуют как в тумане, и притом безошибочно. То ли эта необъяснимость оттого, что все и так понятно и автору, и героям (и читателям). То ли в последних объяснениях все будет окончательно непонятно, и лучше не допытываться о причинах, а просто действовать так, как подсказывает судьба.

И не переспрашивать.

Паулина (еще не святая) не переспрашивает, когда ей дают корзинку и просят отнести в лес — там ее встретят и корзинку заберут. Никому ничего нельзя ни говорить, ни переспрашивать. Идет с корзинкой и ждет, что ее встретят.

Встречают. Но не те, кто обещан. А красные особисты из «ястребятника», каратели, очищающие лес и землю от непокорных обитателей.

Погружая повествование в юмор бесшабашности, Гранаускас предполагает, что случится раньше: то ли Паулину изнасилуют, а потом пристрелят, то ли поставят к стенке сразу и отправят на то свет, пока она не успела экзекуторов «обоссать» (вынужден цитировать, не смягчая, — русского мата в тексте нет, но он как бы висит в воздухе: перевод Григория Ефремова тоже мастерский).

Паулина, ничего не объясняя, вырывается из рук карателей и...прыгает в колодец.

Сухой колодец или полный, неясно. Куда делась Паулина, тоже не объяснено. Прыгнула в святость... как в преисподнюю.

Финал сюжета венчается следующим пассажем (опять-таки не смягчаю выражений)

Наливают скупо («по-немецки»). Потом — реплика:

«— Слышь!.. — Сопе стукнула в голову добрая мысль... — Пойдем насрем в эту их яму!

— Неа,— затряс головой Василюс. — Не выйдет.

— С чего ж не выйдет?

— Грохнемся вниз — и все.

— Да ладно! Я сяду — ты меня придержишь, потом я тебя...»

Ясно, что так рождается солидарность, а что за яма — неясно. Может, та самая, в которую прыгнула святая Паулина? Неважно! Яма — такой же безмолвный и неотменимый участник событий, как лес. Главное — удержаться и не свалиться в эту яму. Яма — как преисподняя, необъяснима и неустранима. Как лес, необъяснимо темный. И опасный. И спасительный.

Жизнь продолжается в условиях, которых люди не выбирают. Но в которых надо жить. И в военное время. И эпоху спустя... и две эпохи спустя...

Где теперь те партизаны? Где особисты, за ними охотившиеся? Начальник карателей по имени Влоб (опять-таки — салют переводчику, сохранившему окрас имени) — Влоб этот самый подался в Россию и там сводит концы. А тут сводят концы литовцы, которых Империя разбрасывает во все свои концы, а они даже на краю советской преисподней собираются с духом... Для выживания? Для сопротивления? Для сведения счетов? С кем? С очередными «гостями»? Или друг с другом?

Финальный выбор, ясный и без объяснений, довлеет над людьми: посылает им сигналы из мглы, из лесной тьмы...

Было *рассеяние*. Почему? Не спрашивайте. Держитесь друг за друга над этой ямой, над дырой в преисподнюю, пока не дойдет из немоты новый сигнал: *собирайтесь!*

В публицистических материалах литовского сборника эта проблема высвечивается более четко, чем во мгле прозы, передающей волю Истории без объяснений.

Объяснения — в блестящей вступительной статье Юрате Сприндите, из которой я процитирую те фрагменты, которые особенно хочется откомментировать.

Сначала — эмоциональная сторона обретения независимости:

«Это был живой, бурлящий, захватывающий процесс, тем более что запас запретных плодов был огромен, их "вкушение" — радостно и возвышенно. Все первое десятилетие независимости литература осознавала себя как существенную, заметную и неизменную часть общественной жизни...»

А дальше?

«...Свобода изменила внутреннее состояние творческой личности, что — как ни парадоксально — привело к исчезновению одних и возникновению других стереотипов культуры. Порог свободы оказался выше, а испытания свободой — труднее, чем ожидалось».

Что ж тут специфически литовского? И у нас в России, от которой Литва так

захватывающе отделялась, царило воодушевление; оно окрасило в цвета радужности все 60-е годы. Как ни парадоксально, и у нас в России смена стереотипов культуры привела к скорому разочарованию. Цель жизни решено было свести к приобретательству и потребительству, цель культуры — к удовлетворению этих страстей, то есть к рекламе и развлекаловке. «Испытание свободой» и у нас оказалось драматичнее, чем ожидалось. Да и можно ли сказать, что мы, русские, выдержали это испытание? Не уверен. А о литовцах это сказано достаточно ясно...

Испытание свободой открывает в бытии еще одну сторону, о чем в статье Юрате сказано:

«Одно из заметных нововведений последнего десятилетия — воцаряющийся кочевой менталитет. Появился литовец с новым мирощущением: мобильный, «транзитный», споро меняющий местожительство, отчего в его писаниях усиливается ощущение бездомности и бродяжничества».

О, как это и нам знакомо! Бездомность, обогатившая русский язык смачным словечком «бомж». Бродяжничество, веками манившее наших гуляк, по мере ослабления границ обретает новый ореол: теперь оно всеевропейское, всеазиатское, всемирное. Только бы рвануть в Объединенную Европу или еще в какой-нибудь альянс. Только бы получить шенгенский паспорт с визами, а там ищи ветра в поле миграций...

И кто ты в этом поле? Украинец? Француз? Литовец?

И что это: *рассеяние*? Но не в том смысле, в каком оно сменялось *собиранием*?

И что за менталитет?

«Кочевой менталитет».

Юрате Сприндите резюмирует:

«Это весьма заметный перелом... Кризис идентичности — неизбежная черта эпохи перемен... Литовцы приспособились, но не смирились...»

С чем не смирились? С петлей диктатуры, удерживающей малые народы в объятьях великого народа — с риском оказаться на краю гигантской деспотии? Или с ветром скитаний, грозящих вытеснить малый народ в безадресность на краю бытия, похожего на преисподнюю?

И с тем, и с другим! Это уж как История повернется. Любой народ обречен хранить себя в любой ситуации.

Судьба малого народа, волею истории оказавшегося то ли в составе большого, то ли вообще вне состава, — беречь память о своем прошлом, каково бы оно ни было. Память — пароль идентичности. Даже если ничего другого нет: только имя. То есть след языка, ушедшего в небытие. Его хранить.

Ну, а если в прошлом есть еще и великие деяния, вошедшие в легенды? Если Великое Княжество Литовское доходило границами чуть не до Чёрного моря? И претендовало на роль европейского гегемона? Можно ли забыть времена Миндовга и Гедимина, Ольгерда и Витовта? Пожалуй, только поляки имеют в прошлом такое же великое «неосуществление» — да ведь неспроста же литовец Ягелло столько сил потратил на объединение Литвы и Польши. Не удержалось величие: отошло к России вместе с бедой гегемонизма и клеймом «оккупантства» (терпеть не могу этого слова).

Вот между упорством малого народа в отстаивании своей самобытности и упрямством его участия в великой роли и хранит себя в истекшей ситуации литовская душа.

В дневниках авторитетнейшего литературного критика (и создателя «Хартии граждан Литвы») Витаутаса Кубилюса — запись 1977 года.

«Вернулся из Москвы. Дал себе слово — не лезть больше, хватит этого чувства долга, хватит растрачивать здоровье и нервы. Хотя когда сдвигаешься с места, в этом есть и плюсы — видишь свою жизнь как бы со стороны, какая она неглубокая, мало чего стоящая; какие потоки бурлят вокруг, какие кипят драмы и силы. а ты стоишь в

своем мирке, и что-то там делаешь, и чувствуешь себя спокойно. Как не хватает нам этого централизма, этой включенности в события, какие мы периферийные люди, далеко отстоящие от существенных вопросов!».

И он же несколько лет спустя:

«Вернулся из Ленинграда. Попал на юбилейный вечер Фёдора Абрамова. Послушал его речь. Она выламывается из круга будничной литературной круговерти. Литература здесь нечто большее, чем литература. У него такое высокое понимание ее миссии, которое возможно, наверное, только в русской литературе, унаследовавшей толстовское евангелие».

Так где душа? Там, где она, отрешаясь от себя, включается в мировые вопросы? Или там, где от них укрывается ради чувства собственной судьбы?

И там, и тут. Потому что вопросы все равно настигают, и удержаться на краю в одиночку не может ни один народ.

Но как это психологически совмещается?

А это лучше спрашивать не у литературных критиков и создателей Хартий независимости, а у поэтов.

Вот как передает это ощущение Томас Венцлова, третий среди моих ровесников в книжке журнала:

Вновь эхо. Это колокол, конечно.
Собор? Часы на башне? Все равно.
Из жажды, из размолвок и страданий
рождается вселенная двоих,
над нами реет неизвестность — с нею
и делим этот многомерный дар.
Нас виноградинки стеречь с тобою
поставили, и строить дом из кедра,
и в пламени сгорать неутолимом.
Почти что день. Как повелела Книга,
Пока ты спишь, я не бужу тебя.
В гул вслушиваюсь, затаив дыханье.

Что сумел передать переводчик Владимир Гандельсман — так это дыханье стиха, сдавленного ветрами с краев безжалостного мирозданья. Бьет колокол. Откуда? Неведомо. Вселенная — размолвки и страдания. И неизвестность. Что ни построишь — сгорает. И вслушиваешься в гул: что там, за краем бытия?

Набухли небеса, и отчий кров
настороже, и в страхе домочадцы.
Задуй свечу, а двери — на засов.
Калигула с чумой в мой дом стучатся.

Не хочется заканчивать эти заметки ссылкой на римского императора: именем он Германик, прозвищем Сапожник, тяжелый эпилептик и анекдотический весельчак, удерживавший малые народы по краям деспотии, — он с ног до головы заляпан чужой и своей кровью... Хотя у такого признанного интеллектуала, как Томас, подобная ссылка понятна.

Лучше завершу строками Йонаса Айстиса, пронзительными в простоте и точности:

Тут, в Литве, и горе сладко,
Даже смерть и та — сладка!
Жизнь горька, а смерть сладка...
Продолжаем жить?

Summary

ANATOLIJ KIM. Long Short Story About Smoktunovskij

«Those twenty years of eternity that I happened to walk through next to him I don't want either interpret with thoughtful words or brighten up with touching emotions. I just want to see that length of road as I see it now and to hear it as I hear it always regardless of the time passed», — thus Anatolij Kim begins his long short story about Smoktunovskij. And as a matter of fact this is a story about Smoktunovskij as well as about the author himself — a story about two independent artists whose lives once crossed

Poetry

The «damned questions» of existence are rhymed with the most painful problems of our days in the rich, flying lyrics by ILYA FALIKOV. The same agitated tone is heard in the poems of ANNA SAYED-SHAH and MIKHAIL KAGANOVICH. And all this is echoing and tied in a knot in the transparent poetry by SERGEJ VASILYEV.

VASILIJ GOLOVANOV. Daughters-Mothers

The film-director Sergey Bodrov-junior and the writer Vasilij Golovanov once thought of a film about the first days of the War in the sanatoria resort of Caucasian Mineral Waters and about two women who saved 17 soldiers injured by Germans. Bodrov hasn't shot the film, he «chose a more dynamic subject» and was lost while shooting it. Now V.Golovanov has revived the unclaimed plot and wrote an essay «Daughters-Mothers» — what are the heroes crying about when meeting on the Victory Day and what are they laughing at through the tears.

LIANA ALAVERDOVA. Tipically American Way

«Though today's America is very motley, even in this mishmash of cultures and languages there are quite settled and easily recognizable features. When we say *«this is a typically American way»*, we mean whatever you want: from harmless habits till permanent features of the national character, from dominating believes till subjective likings». Many of them Liana Alaverdova who has been living in the USA for a long time depicts in our regular section «The world in the eyes of our compatriots».

On the occasion of Yourij TRIFONOV's ninetieth jubilee

MARK AMUSIN. Under the Badge of Memory

The author analyses the most important publications (many of them took place in our magazine) of Yourij Trifonov — one of those writers who determined the character not only of our literature but of all our society in the 1980s.

Literary critic LEONID BAKHNOV shares his memoirs on his personal meetings with Y. Trifonov and meditates over the place of this writer in our days.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Также можно оформить подписку *online* на сайте журнала

дружбанародов.com

на его странице в Живом журнале

http://drujba-narodov.livejournal.com/

и в Журнальном зале

http://magazines.russ.ru/druzhba/site/podp/

Мобильная версия «ДН» для устройств на iOS доступна в App Store и на

https://itunes.apple.com/ru/app/druzba-narodov/id893172883?mt=8

Технический редактор Наталья Кузнецова

Верстка Елены Жирновой

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»